

ЛитРес:

НАДЕЖДА
ОЖИГИНА

РУДА

ВОЗВРАЩЕНИЕ

СКРИЖАЛИ О ЧЕТЫРЕХ

Литературная премия «Электронная буква – 2020»

Надежда Ожигина

**Руда. Возвращение.
Скрижали о Четырех**

«Автор»

2020

Ожигина Н.

Руда. Возвращение. Скрижали о Четырех / Н. Ожигина — «Автор», 2020 — (Литературная премия «Электронная буква – 2020»)

ISBN 978-5-532-99049-4

В мире, где особую роль играют камни и руды, наивысшей Силой отмечены темные маги Камней. Для них мир – игровое поле, забава, помогающая скоротать положенную Тени вечность. Но что станет с подобным миром, если один из магов сделает странный выбор и, ломая игру учителя, примет сторону человека? Скрижали о Четырёх задуманы как серия романов о дружбе и верности, о светлой и темной магии и о том, что добро и зло – не всегда то же самое, что Светлая и Темная сторона нашей жизни. Рецензия Андрея Васильева: "Эпические фэнтези-саги сейчас не редкость, их после "Игры престолов" вышло много. Но очень нечасто случается такое, что с нетерпением ждешь не то, что новый том, а хотя бы новую главу книги. Цикл "Скрижали о Четырех" Надежды Ожигиной - именно таков. Не медли, читатель. Тебя ждет дальний путь в опасный, но прекрасный новый мир" Лауреат премии "Электронная Буква 2020".

ISBN 978-5-532-99049-4

© Ожигина Н., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Предтеча	5
Веда о сотворении Мира	7
1	8
2	18
Трактат о камнях	26
3	27
Трактат о рудах	35
4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Надежда Ожигина

Руда. Возвращение. Скрижали о Четырех

Предтеча

Посох с серпообразным навершием хищно свистнул, отражая рубиновый блеск затменного солнца, располосовал влажный воздух, рассек лицо не сумевшего заслониться противника, того откинуло на пять футов, но раненый тотчас вскочил, бросился, метя в висок. Кровь заливала ему глаза, дышал он надсадно, с рвущим легкие хрипом, и дрался – как перед разверстой могилой, отчаянно выкладываясь в каждом рывке.

Эрей принял удар, поймав меч на посох, закрутил, заставляя врага потерять не оружие, так равновесие, краткий разворот, сближение, – и скрытый в подпорке клинок пробил живот Стагнара вместе с кольчугой. Какое-то время они стояли, вплотную, почти обнявшись, точно партнеры в танцевальной зале. Кровь сочилась из губ наемника, принуждая ноздри мага трепетать в предвкушении чужой смерти. Стагнар в последний раз захрипел и потянулся пальцами в латной перчатке к горлу убийцы. Эрей отступил назад, отпуская посох, и воин медленно упал на спину, вцепившись рукой в древко. Тело подпрыгнуло, взорвалось гейзером горячей крови, зрачки отразили далекие звезды, но веки упали, как флаг над крепостью. Воин дернулся в последний раз, будто кланялся зрителю, и растаял в последних лучах.

Эрей оттер пот и хищно прищурился, подбирая освобожденный посох. Удовлетворенно кивнул. Этот призрак вышел удачнее прочих, сильный и злой, мастер каких поискать. С таким сражаться – что учиться заново.

Он прошел в замок, ощущая его пустоту острее, чем прежде, вспоминая пиры, что закатывал дед, старый Брагант Э'Вьерр, вновь и вновь поражавший соседей. Ныне и роскошь, и сотня слуг, фамильные земли древнего графства, само имя его и воинская доблесть остались в прошлом. Не возродить, сколько ни бейся. Как не воскресить жену.

Она ушла к Седой Деве, его Анамея, во время страшного мора. И разум угас от потери, заставив искать быстрой смерти, достойной великого воина. Что было безумней попытки прорваться сквозь границу Аргоссы? Не грех, а подвиг, баллады слагать после гибели, если будет кому. А он прошел. Пропустили. Он, воин, нес в своих жилах семена темной магии. Он оказался угоден и проклят.

Вспомнилось вот, надо же... Сотню лет пытался забыть.

Память – ты проклятье и жертвенный крест обретших бессмертие! Давно нет жены и приемного сына, и внук убелен сединой, как инь-чианьский утес, а все вспоминается, вспоминается. Чувства умерли, сердце мертво, а память упорной звериной хваткой цепляется в прошлое, дура безмозглая. Потому что нравится вспоминать, каково это – быть человеком.

Опасно забавы ради воскрешать недругов из той, рыцарской, жизни. Стагнар, продавший Анамею жрецу, был силен и упорен, но не стоил мучений, вызванных дурой-памятью. Два года Эрей не посещал могилу жены. Два года. С тех пор, как ушел из внешнего мира, натворив дел не по Силам.

Маг искупался в горячем источнике, смысл тяжелый въедливый пот. Здесь, в купальне, отделанной *обсидианом*, тишина звенела, как обеденный гонг, отражаясь от стен, висела на радужных каплях пара, ловя каждый звук и шорох.

«Неладное со мной творится, – он вскрыл печать на узком кувшине и плотнул терпкую горечь полыни, собранной ночью на капище. – Замкнутый круг. Дерусь до одури, чтобы забыться, изнуряю тело и разум, а становится только хуже. Воспоминания, предчувствия. Совсем размяк. Неладное со мной. Или с миром?»

Прислушиваясь к тишине, он вдруг представил, что высказал бы о его забавах Темный Совет Аргоссы. Здесь, в Сумасшедшей стране, не признавали оружия, кроме Силы, и боевой посох Эрея то смешил, то безмерно раздражал. Однажды его попытались сломать, давно, в период учебы, наставник вмешался...

Маг вздрогнул и порывисто встал, расплескивая полынный настой.

Учитель. Давненько они не встречались на тропинках Аргоссы.

Чем ты занят теперь, учитель?

Скорее сердцем, а не умом Эрей почуял, что наставник покинул Аргоссу и перенес свой замок во внешний мир. Оно осмелилось биться сильнее, ускорившись на полтакта, дурацкое полумертвое сердце, столь же неуместное для мага Аргоссы, как и оружие из мира людей. Всколыхнуло волну предчувствий, и та окатила с головой, заставляя мозг работать, собирать воедино факты.

Он был слишком человеком, темный маг Эрей, бывший советник Императора. Он был слишком нечеловеком. Безупречная линия логики уподобилась отточенному клинку. Император в опасности, ему вновь нужен щит.

Верный щит готов к бою. Ферро Инстави!

Веда о сотворении Мира

В начале была Пустота.

Одни называют Ее Предначальной, иные – просто Пустыней. Она была всеобъемлющей и охватывала Самое Себя, колыхалась и росла в Пространстве без Воздуха, Воды, Земли и Огня.

Без Тьмы. И без Света.

Упало в лоно Пустоты перо Солнечной Птицы Эйсвиэрь, пролетающей Мимо, и осветило Ее.

Упало в Свет Семя Замысла – и родился Мир.

Чистый, беспомощный, как капля Небесной Росы, перетекал Он и жался к Свету. Но, как ни старался, не мог быть светлым весь, целиком.

В том месте, где закрывал Он Собою Свет, родилась Тень.

Потом в Мир пришли Боги.

Первый указал на Свет и сказал: «Это хорошо!»

Второй коснулся Тьмы и согласился: «Это хорошо!»

Пустыня теснила, и Они, действуя согласно, заключили Каплю Мира в Божественные Полусферы. Так появилась Светлая сторона Мира и Темная Его сторона.

И на Светлой стороне родились Вода и Воздух.

И на Темной – Огонь и Земля.

А из Помыслов Божьих возник Камень Мира.

И Кольцо Некованое.

1

Советник

Денек выдался скучный и серый. Такие дни случались редко, и Император не мог придумать, чем занять себя в непогоду. Новая болезнь Рандиры сорвала паломничество в Веннису, морозящий дождик не располагал к прогулкам, а придворные не решались беспокоить по пустякам.

«Ранди... Никак не оправится, бедняжка, может, теплый климат Ю-Чиня не пошел ей на пользу? Монахи говорят, на ней сильная порча, но я знаю: виноват только я...»

Император закрыл книгу, одну из многих, что никак не удавалось прочесть. Строчки не цепляли мысли, те летели куда-то мимо, прочь из дворца, из Столицы... Мыслям было тесно во дворце.

«Знаю, в чем дело. Волки снились! Опять снились волки, целая стая. Часто стали видаться, слишком, чтобы жить спокойно».

Он невольно вздрогнул, вспоминая сон, наполненный волчьим воем и безысходностью. Он, великий Император Ферро, снова стал двенадцатилетним мальчишкой, отбившимся от охоты отца, заплутавшим в родном лесу, точно в колдовской чащобе. Снова было душно и мрачно, за деревьями мерещились тени, и кобыла, взвившись свечкой, сбросила седока, умчавшись прочь, стремясь обратно, в солнечный блеск знакомой дубравы. Он видел, кто напугал кобылу, и понимал, что погиб.

Волки. Десяток или два, а сколько их еще скрывалось за деревьями? Они окружили поляну и медленно сходились, уверенные, что добыча не ускользнет. Суровые могучие звери Инь-Чианя, невозможные в ю-чиньском лесу!

Император вздохнул, скосив глаза на запястье. Глубокий шрам отозвался привычной болью, усиливавшейся к грозе. Памятка о мощном прыжке вожака; его челюсти пробили кольчужную оплетку перчатки и чудом не сломали кости. Вожака он убил, ткнув вслепую кинжалом, а остальных... Память услужливо нарисовала тень, прорвавшуюся из ниоткуда, кровь и ключья шерсти по поляне, отступающую стаю, покорно пригнувшую шеи.

Не к добру снятся такие сны. Сродни дурным пророчествам. Душно ему во дворце, как в ловушке, Единый Бог, к этому ли он стремился!

«Нужно будет отправить посольство в Сельту, – решил он, с усилием возвращаясь в реальность. – Снова область на грани срыва. Бунтари неугомонные! Посольство и полк сопровождения. Намеком».

Тонкие холеные пальцы огладили старинный корешок. Император смотрел на свои руки и думал, что так, пожалуй, и приходит старость. Через три года ему стукнет полсотни, а там... Нет, нужно срочно встряхнуться, войну кому-нибудь объявить, той же Сельте, будь она неладна! И приказать седлать коня, черт с ней, с погодой промозглой! Одному съездить в Веннису, свечку за здоровье жены запалить, сына проведать...

Робкие тени ожили в дальнем углу кабинета, задвигались, зашуршали, поползли по стенам паутиной. Император вздрогнул и отложил фолиант, прислушиваясь к шуршанию. Тишина. Сдавила виски так, что слышен заполосный стук сердца. А может, это стучались сны, скреблись, становились явью, и стоило кликнуть стражу, пусть случится переполох, все можно будет потом объяснить, все... кроме трупа государя в пустом кабинете. Там, в углу, возле камина, кто-то вставал в полный рост, нарастал, проявляясь в тени портьеры, от него веяло холодом и первозданной Тьмой.

Император небрежно потянулся в кресле, не сводя глаз с растущих теней, пальцы его, пусть холеные, но сильные пальцы воина впились в рукоять меча, лежавшего на столе. Вот

так, уже лучше, и появились силы улыбнуться противнику, хищно и радостно, как улыбаются неожиданной удаче, хватая ее пятерней. Древний меч ни разу не покидал ножны, Император и сам не знал, кто из них кого охраняет, но раз пришел час, колебаться бессмысленно. Он медленно потянул клинок и на треть вынул из потрепанной кожи. Мертвенная сталь сверкнула, вобрав в себя пламя свечей, жар камина. В комнате образовался сквозняк, будто приоткрылась дверь в бездну, огонь погас, сразу, до остывших углей, сделалось тошно, будто в мече обретал злобный дух, ненавидящий самую жизнь, но Император лишь тверже сжал неудобную гладкую рукоять...

– Не самая удачная идея, – остановил его знакомый голос, практически лишенный интонаций, – впрочем, и бессмысленной ее не назовешь.

Тени в дальнем углу кабинета собрались, наконец, воедино; повинувшись чуть слышному щелчку пальцев и крошеву *кремния*, вспыхнуло пламя в очаге, а меч с тихим шелестом вернулся в ножны. Император не стал мешать клинку.

– Жуткую игрушку ты мне подарил, советник.

– Зато полезную. Ты мне не рад?

Император, в недавнем прошлом король Рад или, как называли его варвары, Радислав, улыбнулся невольной игре слов и сумел разжать сведенные пальцы:

– Я тебе Рад, и мне хочется верить, что ты зашел просто в гости.

– Я соскучился, – согласился Темный, тая улыбку в провалах глаз.

Немногие могли вынести его взгляд, этот сгусток тьмы, лишенный светлых пятен. Вообще мало находилось смельчаков, способных без дрожи смотреть в глаза темным магам. Император вспомнил детские кошмары, его часто преследовали эти зрачки, расширенные, заполнившие все пространство глазниц, бездна, преддверие ада, последствие неизбежной мутации. Малолетнему Раду понадобились годы, чтобы привыкнуть к глазам опекуна и научиться ценить каждый проблеск мимолетного чувства.

Эрей Темный, советник Императора, смотрел, не двигаясь с места. Все как всегда, наблюдает, скучает, иногда Раду казалось, что вся жизнь для Эрея – спектакль в балагане, причем бесталанно сыгранный.

– Соскучился? – рассмеялся в ответ Император, выплескивая в смехе недавний испуг. – Нет, ты приходишь только по делу. Прошу, будь другом, наставник, не говори о делах до обеда.

– Вот как? Ты просишь меня, государь?

– Я забыл, как тебе приказывать. Но жертвовать больше никем не стану, хорошенько запомни, маг!

Эрей Темный плотно сжал губы, вновь превращая лицо в маску идола. Сколько помнил его Император, советник выглядел так: сорокалетний воин, крепкий, невозмутимый. С тенью, смолой залившей глазницы. С каменной физиономией, как у статуи с капища. Маги живут без эмоций, всю душу отдавая Силе. Чтобы не быть хромолапой шавкой в дверях королевской поварни, как когда-то давно объяснил Эрей, неправильный маг, носящий оружие.

Голос мага прозвучал спокойно и ровно:

– Я испугал тебя, государь. Прости. Мы пообедаем, а потом я вернусь в Аргоссу. И больше не потревожу границы твоей Империи.

Медленно, почти против воли, Император отодвинул в сторону меч и сразу почувствовал себя лучше. Спокойнее. Маги не обижаются, потому что обида – это эмоция. Но все-таки Темный задет, он чувствовал, задет той давней, ненужной памятью, памятью рыцаря, человека, который хотел помочь. Зачем вернулся советник? Два года, целых два года Рад справлялся один, а теперь... А теперь он рад возвращению мага. Император вздохнул полной грудью, потянулся к кубку и осушил его залпом. Взглянул на Эрея с упрямой наглостью, но изображая раскаяние, как частенько смотрел в детские годы, и вдруг нарочито пискнул:

– Наставник, прости, я больше не буду!

Эрей не сдержал сухого смешка. Мальчишеская уловка сработала, как всегда, безотказно: советник раздумал сердиться. Тогда Император сам подошел и ткнул советника в бок, потом стиснул в объятьях:

– А ты надеялся на трубы герольдов и цветы под ногами, а, дезертир? Ты, посмевающий сбежать на два года, оставивший меня гнить в этом проклятом дворце, в созданной тобою Империи? Да убить тебя мало, мерзавца!

– Твой меч, государь, убьет даже мага. Так мне остаться?

– Сам знаешь. Только ответь на вопрос! – отстраняясь, велел Император. – Зачем ты вернулся, советник?

– Предчувствие, – дернул плечом Эрей, отходя к окну и любуясь пейзажем, хотя Император знал точно: за цветным витражом ничего интересного. – И потом...

Договорить он не успел. Со двора долетели крики, их сменил истошный, заходящийся ужасом вопль, радостно зазвенело оружие.

– Проклятье, что там за шум? – гневно дернулся Император. – Кто смеет шуметь во дворце? Эй, кто-нибудь, в чем дело?

На зов государя примчался стражник, дико вылутился на Эрея, но справился, вытянулся стрункой и отчеканил, как полагается:

– Пожар и паника в конюшнях вашего императорского величества! Начальник стражи и дворцовый брандмейстер...

– Предупреждал же: не трогайте Дэйва! – не дослушав обстоятельный доклад вояки, чуть поморщился Эрей Темный.

Император с укором взглянул на советника:

– А мы ведь только отстроились. Сделай намордник своей тварюге!

Кратким жестом Эрей приоткрыл окно, так, что звякнули витражи, растер между пальцев *камушек*, кинул на ветер приказ-заклинание, и огонь стих, угас сам собой, а дождь во дворе усилился. Император потеснил мага в проеме. Из окна было видно, как мечется в лужах разъяренный целенский конь, норовя плюнуть пламенем и поднимая брызги кожистыми крыльями.

– Дэйв! – крикнул ему Эрей, легко перекрывая вопли гвардейцев. – Место, крылатая тварь!

Конь поднял морду, увидел хозяина и потрусил обратно в загон, изредка скаля зубы на особо назойливых стражников.

– Он голоден, не злите попусту, – посоветовал Эрей караульному. – Лучше пришлите с поварни побольше сырого мяса.

Тот продолжал таращить глаза, но Император лично пнул нерасторопного воина, искренне радуясь неожиданной удаче; стражник звонко прищелкнул челюстью, сделал грудь колесом и помчался исполнять приказ.

– Может, твоей твари пожить за городом? – задумчиво предложил Император.

– Может, и мне пожить за городом? – привычно огрызнулся Эрей.

– У тебя слишком шумная свита, – игнорируя замечание, продолжил попреки Рад. – Только коня мне и не хватало для полноты ощущений.

– Свита? – удивился советник. – У меня?

– Твой побратим почтил Столицу присутствием, – пояснил ему Император. – Интересно, сколько продержится город?

– Сильно буянит?

– Да как обычно.

– Попробую уговорить, – было видно, что Темный доволен. – Кто еще?

– Из Венниссы прибыл Истерро.

– Что, Истерро тоже буянит? – не поверил ему советник.

– Нет, конечно! – расхохотался Рад, вспоминая молодого монаха. – Этот вечно спорит с лейб-медиком, чем развлекает двор и фрейлин.

– И как мне его урезонить?

Вопрос был полон неприкрытой иронии, и Император махнул рукой:

– Делай с ними что хочешь, советник, пристрой к затее какой-нибудь! Мне ни к чему сейчас лишний шум.

Эрей не ответил, и Рад догадался, что маг исподволь изучает дворец, раскопав кусочек *нефрита*. Тот заметил взгляд Рада и подтвердил: ничего особо опасного, слегка подпорчена аура в трапезной, защиту выправить в десятке мест, в кладовых кто-то темный оставил знаки, ерунда, червоточина, но лучше почистить. И что-то еще, тревожное, какой-то пустяк в общем хоре, комар зудящий – нудно, тоненько, но так, что не поймать и не уснуть.

– Императрица в положении? – высказал маг догадку.

Рад согласно кивнул и дернул щекой, как от боли:

– Второй пояс. И уже осложнения. Белые бездельники утверждают, что не видят благого исхода родов. Один Истерро пророчит наследника, но он не силен в повивальном искусстве.

– Зато пророк неплохой, – утешил Эрей государя. – Если позволишь, я посмотрю...

– А если я не позволю? – усмехнулся Рад, не скрывая угрозы.

– Я не обижусь, – парировал маг. – Твоя жена. И твой наследник.

– У меня уже есть наследник, – в тон ему возразил Император.

– Мне жаль, что он жив, государь.

Император хватил кулаком по стене:

– Думай, о чем говоришь, советник! Я бы тебе не простил!

Напряженная тишина повисла, как разбойник с петлей на шее, зазмеилась трещина в разговоре, множа варианты грядущего. На пятом ударе сердца маг позволил себе смириться:

– Ты и так меня не простил, тут ничего не поделаешь.

Император долго молчал, испытующе глядя в глаза Эрею, не веря в его смирение, вслушиваясь в себя, тянул паузу, точно актер в балагане, вспоминая забытую реплику, потом горько вздохнул, признавая:

– Я простил. Тебя – я простил. Но тот, кто затмил сознание Сэнни...

– Тебе не сладить с ним, государь. И мне с ним не сладить, увы. Но продержаться попробую.

Дальше расспрашивать было бессмысленно, все равно, что в крепость долбиться тараном, в самую мощную стену. В тайны магов Камней хода не было, иногда Император не спал ночами, гадая, кто он такой, грозный противник Эрея, с которым советник сражался, но не надеялся сладить.

Рад провел рукой по лицу, точно стирал кошмар:

– Время к обеду, советник, тебе стоит поесть с дороги. Раздели со мной трапезу, а потом мы навестим Рандиру. Я верю тебе, Эрей Темный. По-прежнему.

– Ничему я тебя не выучил, – искренне огорчился советник, – верить нужно себе. И в себя. Остальное попросту неважно.

Вместе они прошли в малую залу, рассчитанную десятка на два гостей. Император приказал Эрею сесть одесную, как в былые времена, и наплевать на все церемонии. Поданные блюда были просты, но питательны; воспитанный магом монарх не привык к излишней роскоши, предпочитая забавам пост и физическую нагрузку. Неправильный маг воспитал неправильного государя, – советника не раз забавляла подобная мысль.

Эрей отдал должное каше с киселем и свежему хлебу. Путь в Столицу был непростым, а тратить бесценное время на отдых он себе не позволил. Усталость все нарастала, позже, часа через два, он найдет уютное кресло и нырнет в Океан Высшей Сферы, восстанавливая баланс

Сил, но не теперь, теперь нельзя, он должен осмотреть несчастную Ранди и подвал, обязательно подвал, сам и как можно скорее. Маг набил любимую трубку и затянулся, с наслаждением чувствуя, как отступает сонливость, налил в тяжелый кубок воды, пригубил.

– Принц отказался обедать? – спросил он, мельком взглянув на кресло по левую руку от государя.

– Отказался бы, – нахмурился Рад, – но сейчас его нет в Столице. Я отослал мальчишку в Венниссу, может быть, Братство его образумит.

– В Венниссе самые лучшие школы, – примирительно заметил Эрей.

Император подождал продолжения, потом равнодушно кивнул:

– И школы тоже. Сельта бунтует, – сообщил он, меняя тему беседы.

Маг поморщился. Сельта была незаживающей язвой на теле Империи, настолько болезненной, что, право слово, он уговорил бы Рада решить дело миром, но увы: небольшая страна оказалась ключом к Мельтским горам и прямым путем на Инь-Чиань. А покорение варварских княжеств было целью жизни Радислава.

– Что в этот раз?

– А, все то же. Нарушение традиций, передел границ. Я, признаться, не разобрал. Им достаточно собачьего чиха, рогоносцам проклятым!

– Рожконосцам, – с улыбкой поправил маг: боевые рожки селтов служили неисчерпаемым источником речевых оборотов. – Говорил я тебе: женись на селтке. Сейчас бы страна ходила на цыпочках.

– Ты вернулся, чтоб довести меня до греха? – мрачно уточнил Император.

Эрей неодобрительно хмыкнул. Давние споры дали новые всходы. В свое время Радислав не посчитал Сельту опасным противником; он намеревался взять ее с ходу, как Альтавину или Олету, и лишь через полгода активных действий понял, что по глотку увяз в войне. Эрей советовал государю взять в жены дворянку из местных; Сэнни, фаворитка Радислава, от таких советов лишалась рассудка; маг нажил себе врага, но Рад решил проблему по-своему. Он заслал сватов по ту сторону Мельт, к варварам, в далекую Сканву. Князь Ральт, прельщенный посулами, объявил о помолвке княжны Рандиры, девочки восьми лет, и Радислава, государя Ферро. Вместе с обручением был заключен мощный военный союз: отряды варваров перешли Мельты и ударили в тыл сельтской армии.

Эрей помнил, как Император уговаривал Сэнни смириться, утешал, обещал разорвать помолвку, как только появится повод, объяснял, что девчонка мала, за десять лет многое может случиться... Сэнни верила, она слишком любила, чтобы обдумать ситуацию здраво, но Эрей понимал: свадьбе быть. Ральт немолод, и возможность наследовать Сканву перекроет остальные мечты Императора.

Государь тем временем, насупившись, ждал и снова смотрел угрожающе. Как полагал Эрей, Радиславу нужен был повод, чтобы выругаться от души за два года «дезертирства» советника.

– Скоро турнир Истока лета? – уточнил у него Эрей, будто обдумывал лишь эту проблему. – Пригласи цвет Сельты, пускай приедут, развеются, подерутся. Устрой все по их обычаю, заодно встряхнем и наши войска.

– Дело говоришь, – согласился Рад, с явным сожалением отказываясь от перебранки, – глупо браниться с тем, кто по-прежнему дает советы, – и до конца обеда молчал, лишь фыркал в поседевшую бороду, сочиняя распорядок турнира.

Эрей привычно дернул плечом. Разговоры он делом не считал, поэтому, допив воду и ковырнув десерт, расслабился в кресле и задремал. Уйти в Высшую Сферу государь не позволил. Резко отставив кубок, Рад швырнул на пол салфетку, выжидающе покосился на мага, и Эрей, вновь тратя Силы, пошел вслед за Радом к Императрице.

Проходя по анфиладам дворца, маг достал кулон из *нефрита*, позволявший проверять ауру комнат. Священный *камень* четвертого ряда был чуток к проявлению темных помыслов и норовил заслонить владельца даже от малой угрозы. Там, где *нефрит* оживал, Эрей замедлял шаги и губами шептал заклятья, снимая порчу, вольную и невольную.

Перед тяжелой, украшенной *медью* дверью Император остановился и перевел дыхание. Выглядел он, точно взбирался в гору, продираясь сквозь метель и ураганный ветер, слишком плохо, чтобы это оказалось банальной усталостью. *Нефрит* в руке мага пульсировал, да и без *камня* он знал: неладное скрыто за дверью. Тонкие крылья горбатого носа уловили едва слышимый запах тлена и смерти, такой предательски близкой, что даже ему, бессмертному выродку, сделалось не по себе.

Побледневший как молоко Император резко выдохнул, коснулся створки и шагнул в покои жены.

У ложа Императрицы дежурили Белые братья. Эрей встал на пороге, подозрительно щуря глаза; считающий капли лейб-медик сбился и неловко вскочил при появлении Рада, склонился в придворном поклоне, но тотчас вздернул вверх подбородок при виде Эрея Темного. Помощники рангом пониже скопировали мину начальства. Между темными и светлыми магами не было открытой вражды, но скопившееся непонимание рождало неверие и неприязнь. Белые считали черных мятежниками, черные светлых – предателями, что не слишком помогало при близком общении.

– Оставьте нас с Императрицей, – приказал Рад монахам.

– Повелитель! – твердо возразил лейб-медик, не опуская головы. – Темному убийце здесь не место. Одно его присутствие способно навредить...

– Я же сказал: оставьте! – рявкнул ему Император, и Белые братья поспешно покинули спальню Императрицы.

Рад печально вздохнул и склонил колени перед ложем беспамятной жены. Эрей взглянул на Рандиру и вздрогнул от острой жалости.

Он вспомнил, как лично отправился за невестой государя, сопровождая богатый поезд с дарами, и как привез в Столицу дивный хрупкий цветок, выросший на суровой земле Инь-Чианя. Даже недруги Рада признали его выбор достойным и склонились перед величием Светлой Девы, как тотчас окрестили ее трубадуры. Высокая, тонкая, с тяжелыми косами цвета темного золота – короной вокруг чела, – она поражала в самое сердце, заставляя служить усердно и искренне; и рыцари двора давали обеты, и дамы смирились, без споров признавая ее превосходство. Эрей тогда подумал: мой Князь, так рождаются легенды! – и посмел раз мечтаться о славных днях, когда Рад и Рандира приведут Империю к миру и процветанию. Мечты... Опасное занятие для мага. Он поддался всеобщему ликованию, он так рад был видеть своего государя, светящегося счастьем и любовью, что совсем забыл про фаворитку. И Сэнни расплатилась с ним за забвение. С ним, с Радом, с городом, с будущей Императрицей. Закрыла все счета до последнего.

Сейчас, когда Эрей смотрел на государя, целующего пальцы умирающей жены, ему хотелось спрятаться, завывать, так остро вспоминалась Анамея, бледное лицо, мокрые волосы, прилипшие к влажной подушке, слабый голос, умоляющий убить ее, сжечь и бежать, бежать прочь, спасаясь от мора. Сто лет пролетело, а память вновь привела его к прошлому, заставляя терзаться вопросом: почему он не погиб вместе с ней? Зачем оставил умирать одну, помчавшись в Венниссу за лекарем, – чтобы вернувшись, найти опустевшее поместье и Эльдара, угасавшего над могилой матери?

Впрочем, сына монахи спасли, успели спасти и деда; с тех пор многое стерпел Эрей от заносчивых Белых братьев, не упрекнув ни словом: в память о лекарях, не отказавших в помощи роду Э'Вьерр.

– Ранди... – тихо позвал Император. – Ты слышишь меня, дорогая?

Императрица застонала и приоткрыла глаза, пытаясь сморгнуть невольные слезы. Она была так бледна и худа, что казалась тенью былой Рандиры; узнав государя, она села в подушках и попыталась навести красоту. Похоже, ее мучили боли: легкая гримаса сломала утонченную прелесть лица, но тотчас Императрица заставила себя улыбнуться мужу.

– Ранди, я не один, – с оттенком вины сказал Император, глядя ее хрупкую руку.

Рандира подняла голову и скорее почуяла, чем увидела мага. Для нее Эрей был расплывчатым темным пятном, но Императрица просияла от радости, впервые за последние дни, и Рад успокоился, разом перестав мучиться и сомневаться. Мир мог считать Эрея выродком, кем-то вроде оборотня и вурдалака, а для Императрицы он остался защитником и верным, надежным другом. Сам Рад назвал мага убийцей, не простив, ничего не забыв, но Ранди помнила только Тень, заслонившую ее и мужа у алтаря Белого Храма.

– Эрей, – прошептала Императрица, протягивая ему руку. – Ты вернулся. Как же я рада тебе, советник!

– Я тоже рад, государыня, – признал Эрей, осторожно приближаясь к ее постели. – Но поговорим мы чуть позже, вам нужно поспать. – Он коснулся ладонью лба государыни, и ее глаза тотчас закрылись, длинные ресницы затейливо отделили щеки, дыхание выровнялось, а скулы тронул легкий румянец.

– Почему монахи такого не могут? – озадаченно спросил Император.

– Могут, – дернул плечом Эрей, очерчивая посохом круг. – Отойди-ка в дальний угол, Радислав, и не мешай мне. – Старательно обведя ложе чертой, маг зашептал заговоры, ритмично щелкая пальцами и в паузах ставя нужные руны. Покончив с нелегким трудом, он оттер пот и взглянул на Рада. – Монахи все могут, мой Император, в исцелении души и плоти. Но порча – творение темное. Лекарь! – громко крикнул Эрей, зовя на помощь лейб-медика.

Белый брат поспешил в опочивальню, споткнулся о черту Темного круга и замер, всем видом стараясь выказать свой ужас и возмущение.

– Дополни защиту! – приказал маг фигляру. – Я провел государыню в Высшую Сферу. Полагаю, что ей не стоит гулять в Океане без надежного проводника. И еще. В подвалах появились темные знаки. Проверь.

– Понял, – кивнул лейб-медик и принялся суетливо чертить Светлый круг.

Пока Белый брат трудился, ползая по паркету, Эрей прислушивался к Океану. Потом наблюдал за потугами лейб-медика попасть в Высшую Сферу. Процесс был долгим и даже забавным, с пыhtением и воздеванием рук, в иное время Темный не преминул бы слегка поразвлечься, но время было, увы, не иное, здесь и сейчас совсем не осталось времени ни у него, ни у Рандиры.

Лейб-медик тоже это почувствовал. Решение далось ему непросто, но одолев гордыню, он взглядом попросил о помощи.

Маг в помощи не отказал. Да в общем-то и помощь была плевая.

Направив дух Белого брата к заплутавшей в Океане Императрице, Эрей огляделся и понял, что остался, наконец, в одиночестве. Рядом с блаженно сопящим монахом спал и Радислав, успевший в недовольстве и нетерпении прихватить лейб-медика за ворот мантии. Маг отправил в Высшую Сферу двоих, и это было неплохо. Океан не позволял нападать, но слушаться там может всякое. Лишний свидетель не помешает.

Пару минут он убил на бесцельное созерцание, в то время как разум его пытался нащупать ниточку, маленький, тщательно замаскированный кончик, за который стоило потянуть, чтобы распутать клубок проклятий. Наконец, ему удалось; тогда, придерживая тонкую нить, отрехшись от земного тела, он шагнул в открывшийся провал, держа над головой нефрит, точно спасительный факел в сыром подземелье. Мрачный сгусток чужой воли, злобной и расчетливой, окружил мага, атаковал, и тот вновь почувствовал себя воином, словно вернулось прошлое, и он снова стал человеком, смертным, и бился бок о бок с Гароном, дедом не родив-

шегоса еще Рада, норовя заслонить собой государя. Его посох очерчивал дуги, отражая удар за ударом, оставляя собственные знаки; он напоминал себе паука, плетущего сеть поверх старой, им же изодранной в клочья, он пытался исправить судьбу несчастной девочки и младенца, выдрать обоих из алчных, убийственных объятий порчи. Он не видел, не мог понять, кто кинул первое слово, но почерк доработавшего заклатье, доведшего убийство до совершенства был до судорог ему знаком. В мире жил лишь один умелец, способный сотворить с людьми вещи и хуже, умевший замечать след и ждать результата веками. Судьба любит сыграть в дурака и неизменно выигрывает. Судьба умеет шутить по-черному.

Дыхание становилось прерывистым, каждый вдох наполнял его легкие кипящим смолистым ядом, движения замедлялись и Сила гасла ритуальной свечой, но он продолжал выкрикивать заклатье и править, править чужую пьесу, переписывая страницы начисто. *Нефрит* иссякал, умирал вместе с ним, растворяясь в сознании Императрицы, и маг принял удар на себя, ставя на карту свою судьбу. Выкрикнув формулу, он щелкнул пальцами, на миг открывая нутро темной ауре, но в ответ на заклатье мага Камней вспыхнул на ладони кровавый *гранат*, камень пятого священного ряда, еще один, еще, еще... Маг творил драгоценные *камни*, выплескивая себя целиком, до конца, тратя Силу бездумно и весело, точно швыряя нищим монеты. И *гранаты* светились во тьме проклятий, отводя подселенную смерть, сбивая ее со следа. На девятом *камне* Эрей споткнулся и вылетел из слабеющей Тьмы. И потерял сознание.

...Пробуждение было болезненным.

Пробуждение растянулось на пять долгих дней.

Эрею снились странные сны, полные недобрых предчувствий. Он обернулся площадным плясуном и балансировал на тонкой грани между жизнью и смертью, а под ним была пропасть из тех, что хуже смерти. И хуже бессмертия. Он не мог больше быть человеком; он пытался остаться хотя бы магом, но и этого ему не предрешили, не разрешили там, за пределами Высшей Сферы. Он был неправильным, просто неправильным, выродком, Волчьим Ублюдком, он подлежал уничтожению, следовало вырезать больную ветвь, и кто-то остроумный норовил столкнуть в бездну, кто-то нетерпеливый рубил канат. Эрей помогал себе посохом, держал равновесие, материл светотень и падал, падал, захлебываясь криком... криком... кри...

Бездна вдруг обернулась просторной комнатой с большим и светлым окном. В бездне отчетливо пахло сиренью и чем-то еще, неясным, но определенно весенним. Солнце щекотало его лучами, и хотелось блаженно жмуриться, наслаждаясь покоем и безопасностью.

– Цветы? – спросил он наполнивший комнату свет.

– Цветы, – отозвался Свет сорванным в хрипоту голосом. – Государыня так окрепла, что смогла встать и собрать букет, гуляя в дворцовом парке. Император каждые полчаса спрашивается о твоём здоровье. Наконец-то есть повод его порадовать.

Эрей от души потянулся, и тишину взорвал придушенный вопль: расслабленный и беспечный жест обернулся змеиной атакой, рука мага метнулась в сторону, пальцы сомкнулись на горле лейб-медика, перекрывая ток воздуха. Маг приоткрыл глаза и вприщур посмотрел на жертву:

– Как давно ты травишь государыню ядом?

Лейб-медик непокорно сжал губы, отказываясь отвечать, но пальцы мага, оставив горло, сдавили точку на пухлой щеке, цепляя лицевой нерв; монах знал, чем это грозит, и закивал, всем видом выражая согласие на допрос.

Эрей чуть ослабил пальцы. Лейб-медик жадно сглотнул и ответил, не скрывая глупой обиды:

– Я... Я не успел дать отвар. Но я не хотел навредить государыне, я пытался ее спасти!

– Плохо пытался.

– Не всем дано столько Силы и безрассудства. Я, к примеру, решиться не смог. Но я нащупал ядро проклятья и понял, что порча лежит на ребенке. Если б мне удалось убить плод, государыня справилась бы с болезнью и...

– Как тебя зовут? – устало откинувшись на подушку, спросил дурака Эрей.

– Ерэм. Брат Ерэм, – лейб-медик отскочил в сторону и принялся растирать покрасневшую щеку.

– Ты слишком молод для этой должности. У тебя дурные представления о благе. Жизнь наследника Императора превыше жизни Рандиры.

– Ты!

– Государыне лучше? – спросил маг, игнорируя жалкий вызов.

Лейб-медик какое-то время молчал, ощутимо давя в себе возмущение и недопустимую мысль о дуэли, потом несколько визгливо ответил:

– Лучше. Появился аппетит и желание жить. Носит на шее твои *гранаты*. Все время спрашивается о тебе. Если б она только знала...

– Я думаю, Ранди со мной согласна, – отмахнулся от упреков Эрей.

Ерэм поперхнулся и сник. Наверняка уже был наслышан про жертвенность Сурового края.

– А ведь я тебя спас, советник, – опечалился Белый брат, отходя подальше к окну. – И снял всю гадость, что ты нацеплял, как пес цепляет репы. А пес-то оказался паршивый!

– Что там со знаками в кладовой?

Ерэм переключился не сразу. Поджав тонкие губы, он разглядывал какую-то точку в саду, бубня про себя обвинения, потом неохотно буркнул:

– Я трижды обошел кладовые дворца: все чисто, – выдержал паузу, покривлялся, потанцевал и спросил напрямик, будто с башни прыгнул: – Скажи, а Рандира... накажи Бог Единый... государыня будет жить?

Эрей ответил ему неохотно, взвешивая слова, точно крупинки *золота*:

– Об этом судить Седовласой Деве. Я дал им шанс, Ранди и мальчику, а вот хватит ли Сил двоим – не уверен.

Светлый снова выдержал скорбную паузу, всем своим видом выражая протест, и совсем собрался спрашивать дальше, но тут Эрея скрутило, и стало не до вопросов. Какие уж тут вопросы, когда из больного гной чужой порчи выходит толчками, и рвет его кровью, успевай только с тазом вертеться, спасая дорогие ковры...

Эрей усмехнулся занятой картинке, и сознание вылетело из него вместе с кровавой рвотой, и измученное тело отпустило душу в благословенный Океан. Блаженно закачавшись на теплых волнах, искрящихся, *аквамариновых*, будто глаза Лорейны, маг мельком глянул вниз, туда, где под толщей воды, за теньями небесных медуз и кальмаров, его тело обмякло в руках монаха, и тот вздохнул с облегчением, оттирая испачканные ладони о белоснежную мантию. А потом потащил больного в кровать, зовя на помощь Белую братию.

Чудны дела Твои, Княже, как странно встают фигуры. Вот и ему, Ублюдку, помогают светлые маги...

Эрей не искал в Океане подсказки: Океан велик, и найти в нем крупинцы чужих помыслов не так просто, к тому же тело требовало Силы, жадно, как изголодавшийся зверь, и маг позволил себе расслабиться и просто плыть по течению неугомонных волн, качаясь в их неспешном ритме. Вверх – вниз, вверх – вниз. Океан шуршал и шипел, убаюкивал, пел колыбельные. Маг спал с открытыми глазами, бездумно изучая облака; ему казалось, что он умер и медленно плывет к Калитке, и было ему так хорошо, как бывает только уставшему человеку, что прилег после трудной работы. Он не стремился прозреть грядущее, не хотел воскресить утраченное: он просто отдыхал, набираясь Сил.

Он был по-человечески счастлив.

**Веда о сотворении
камней**

и

руд

...И создал Бог Тени *камни*. Но не было *камням* жизни без Света, и рассыпал их Бог по Светлой стороне.

И создал Бог Света *руды*. Но не было *рудам* жизни на Свету, и укрыл их Бог на Темной стороне.

И сказали Боги: «Да будет так! Так – хорошо!»

Стало по сказанному.

И по сказанному Богами повелось, что иначе воспринимают *камни* и *руды* Четыре главных Стихии. По-разному отзываются. Тьма убивает Тьму, Свет – не дает жизни Свету.

Ибо Темные *камни* – тускнеют в Земле; гибнут, рассыпаясь, в Огне; любят искристый Воздух и заряжаются Силой в Воде.

А Светлые *руды* – любят прохладную Землю, дающую Силу; перерождаются в Огне; тускнеют на Воздухе; гибнут, ржавея, в Воде.

Особым среди *камней* родился *аметист* – знак Белого Братства. Дана над ним власть лишь высшим Чинам, отмеченным Силой и верностью. Остальным недоступен фиолетовый *камень*, замутняет рассудок, сводит с ума, и Светлые Мира Кару не смеют к нему прикоснуться, спасая волю и жизнь.

Особым среди *руд* родилось *серебро* – знак Темной Магии. Подчиняется пресветлая *руда* лишь исполненным Силы аргосским узникам, вплетаясь формулой в Заклинания, помогая творить волшбу. Но Темные Мира торопятся прочь, пытаясь сберечь то малое, что смеют назвать своей жизнью.

И, со времен сотворения Кару, Камень Мира смотрит внутрь природы, видит *руды* жизни. А Кольцо Некованое открывает *камни* и повелевает внешним.

2

Белый Храм

Некогда город звался иначе. Эрей помнил славные времена, когда переплетение узеньких улочек, скопление невысоких домов с окошками-бойницами, с торговой площадью и вросшей в скалы цитаделью составляло добрую крепость Ратбор, чье имя, несомненно, шло от инь-чианьских корней и уходило к эпохе Эттиввы-Разрушителя. В цитадели жил, не признавая иных дворцов, сам воинственный король Гарон, видевший в битвах главное увеселение души, а потому презиравший охоты, маскарады и прочие светские развлечения; исключение делалось лишь турнирам, и потому состояние казны позволяло содержать мощную армию и добротное вооруженное ополчение. При смехотворно малом штате прислуги в цитадели размещался любимый королем гарнизон, да и сам Ратбор походил скорее на большую казарму, чем на столицу могучего королевства.

За шестьдесят лет, пролетевших с восшествия на престол Флавиция, отца теперешнего государя, город сильно изменился, разросся, отодвинув мрачные переулки Заречья и цитадель на окраину, обзавелся пышными садами и парками, роскошными дворцами, широкими мощеными улицами, по которым разъезжали кареты шестериком. И стал зваться Гароноблем. В память, значит, и в знак почитания. Эрей не без оснований считал, что нынешний город – переименованный в Столицу так же, как сам Рад Ферро сделался просто Императором, – не продержался бы против внешнего врага больше семидневка. От этих мыслей становилось грустно и неуютно, но Император не хотел никого слушать, уверенный в мощи и силе Империи.

Эрей шагал по мостовым, любуясь фасадами, и старался не обращать внимания на суеверных горожан.

Темных магов в Столице не жаловали. За время регентства к Эрею попривыкли, перестав осеять себя Единой чертой, научились относиться терпимо и не шарахаться, лишь отводили испуганные взгляды. Но похоже, что годы, проведенные без его навязчивой опеки, показали Столице чудным сном, и теперь, при виде черного плаща, заменявшего в походных условиях мантию, при высверке серповидного наверху посоха люди жались к стенам домов, торопливо ныряли в харчевни, принимались изучать статуи, причем с неподдельным интересом пялились на такие места, что Эрею хотелось смеяться. Он держался беспримерным усилием воли, давя на лице зародыш улыбки. В былые времена ему прощали многое: и каменный лик, и мрачный вид, и черные ногти в непонятных рунах, даже провалы глаз! – а вот улыбка пугала простой люд до нервного тика. Смеющийся маг – зрелище особое, не каждый сможет его пережить.

Лишь Рандира не раз отмечала, что улыбка Эрея, мертвая, улыбка черепа в затменный час, на удивление беззащитна, что она – как зеркало его души. Эрея забавляли такие признания: никто и никогда не пытался заглянуть в душу темным магам. Себе дороже, ибо про них сказано: чужая душа – потемки.

«Я сделал многое, – думал Эрей, петляя знакомыми переулками, – но далеко не все. Мало отвести оружие, парируя удар, нужно отсечь направляющую руку. Нужно вернуться на два года назад, вспомнить все, что так хотелось забыть, и вычислить нанесшего рану. Обещаю тебе, государыня, что смогу, не кривя душой, объявить: я сделал все, что в моих Силах. Обещаю!»

Здесь, в благочинных тихих кварталах под крылом Храма, жили почтенные горожане, крупные купцы и лавочники. Эти не отводили взгляда, напротив, кланялись и гостеприимно распахивали двери, иные столетние старцы провожали его, оглаживая бороды, мол, как же, как же, помним, был такой славный рыцарь при государе Гароне, совсем не изменился, только глаза почернели, глаза!

Простой булыжник мостовой сменился мозаикой, и Эрей поднял голову, шурясь на белизну куполов Храма Единого. Без особого энтузиазма и почтения осмотрев переплетение башенок, арок и колонн, маг тронул лоб и пробормотал краткую молитву Князю. Темные не понимали архитектуры светлых: в мире много прекрасных гор – истинных храмов Единого, таящих в недрах и камни, и руды; зачем нагромождать нелепицы, норовящие затмить Небеса? Воин, спящий в его душе, был солидарен с магом и великолепию большого Храма предпочитал строгость часовни в забытой всеми цитадели.

Уверенным четким шагом Эрей пересек площадь и замер перед выложенной белым мрамором чертой. Светлый круг, защита от непрошеной нечисти. Маг кивнул и преклонил колено у круга, исподлбья оглядывая окрестности. Коснулся черными ногтями едва заметных выбоин в мозаичной кладке, всмотрелся пристальней, шуря раздраженные солнцем глаза.

Неистертые яркие пятна выдавали следы давних молний – сгустков освобожденной энергии кремния, восстановленный узор местами не совпадал, но требовался особый взгляд, чтобы поймать эту разницу. Память, хваленая убудочная память, начала обратный отсчет, выхватывая из прошлого секунды, растягивая их, разминая, лепя фигурки и расставляя по площади. Здесь лежало тело несчастной, за миг до смерти пришедшей в себя Сэнни. Он, Эрей Темный, стоял над демоницей и смотрел сверху вниз, не понимая, отказываясь понимать, что убил ее, убил насовсем, в последний раз. Убил! Что-то кричал обезумевший Рад, узнавший, наконец, фаворитку; выл над матерью пятилетний мальчишка, и невольный убийца едва выдерживал его полный отчаянной ненависти взгляд, понимал, что должен убить и мальчика, – и не смел поднять руку с ритуальным ножом.

«Трус! – мысленно хлестнул себя маг, но тотчас возразил, как припечатал: – Рыцарь не тронет ребенка. Через совесть не переступишь».

Потом мальчишку прикрыл сиреневый шелк парадного платья, и во взгляде рыжеволосой девушки магу чудилась оледеневшая река с ломким сухим тростником презрения. Презрения в глазах Лорейны Эрей не выдержал.

Он вспоминал миг за мигом, четко разделяя чужие слова и жесты, искал зацепки, уверенный: был на площади некто скрытный, следивший за демоницей, это его проклятье, брошенное наудачу, накрыло Рандиру, пропитало нутро и затаилось до срока. Что-то мелькнуло на грани сознания, кто-то знакомый проявился на площади; маг нахлестывал память кнутом, всматриваясь, заклиная, прокручивая краткий миг снова и снова. Высокая фигура в светлом плаще, гость незванный, неожиданный... Ну же! Еще!

Его накрыла неясная тень, заставляя вскинуться в защитном жесте; Эрей поднял голову и мгновенно обжегся о невозможную зелень взгляда.

– Истерро, – прошептал маг, опуская веки. – Как кстати.

– Здравствуйте, советник, – мягко сказал Истерро, несмело улыбнувшись в ответ. – Рад вашему возвращению.

Истерро, Голос Рудознатца, держал защиту. Капли пота стекали за ворот мантии, едкие слезы прожигали глаза, но он смотрел и держал, хрипя из последних Сил, надрываясь и надрывая Эфир бесполезной мольбой о подмоге.

Там, за белой чертой, снося охранные заклинанья, прорывалась в Храм демоница, отмеченная клеймом. Демоница, готовая убивать. А за его спиной стоял Император с юной супругой-варваркой.

Обвенчавший их отец Маглёр упал замертво, сгорев в единый миг, точно кто-то ткнул отравленной иглой в заговоренный воск; его скрюченное тело лежало на полу, но Истерро не мог отвлечься: поставив плечи под чужое заклятье, он пытался слиться с угасающим Кругом.

За Кругом бесновалось чудовище, и Белому брату казалось: кто-то метит иглой и в него, кто-то сдувает магию с Круга, нарочно расчищая твари дорогу. Он не знал, что еще предпринять, и понимал, что умрет, и готовился к смерти, но держался, Единый, держал чужой купол, делая собственным.

«Она одержима!» – билась в голове одинокая никчемная мысль.

Он был также одинок и никчемен... Он тщетно силился понять, отчего не случилось в Храме иных Братьев, он не мог уловить, кто и зачем глумит его отчаянный призыв.

«На помощь!»

Боже Единый, ему бы щит!

Щит! Щитом Императора называли советника, Эрея Темного!

Истерро, как мог, представил мага, страшное лицо с убитой мимикой, волосы, заплетенные в косу, посох и почему-то руки – заостренные почерневшие ногти в древних охранных рунах. До хруста стиснув аметистовый перстень, потянулся, нащупывая нить, ужаснулся тому, что творит, но иного выхода не было: ему, светлому, требовалась помощь Тени! Маг был в пути, он уезжал из Столицы, но крик настиг, натянул поводья, заставил завертеть головой с перекошенным от усилия ртом.

«На помощь! Она убьет всех нас! Она убьет Императора!»

В тот же миг Эрей растворился, исчез, Истерро его потерял, едва не заплакав от перенапряжения и обиды.

– За алтарем есть потайная дверь, – спокойно и четко сказал он, вложив в эту фразу всю магию голоса. – Спрячьтесь в святилище. Я ее задержу.

Завороженный Рад потянул жену, прикрывая спиной, подтолкнул к проходу, за Императором зашевелилась свита...

Увидев, что жертва пытается скрыться, демоница взвыла и кинулась в Круг, ударив так, что Истерро отшвырнуло на алтарные плиты.

– Снимите свою чертову защиту! – глухо прорычал кто-то сверху, и спорить монаху не захотелось.

Трудно и спорить, и держать, и думать, и звать, и убеждать... и терять сознание. Балансируя на опасной грани рассудка, он с улыбкой отметил, как рухнул оставленный без надзора барьер, как в светлом храме возникла неуместная здесь фигура в черном, как прыгнула на врага демоница, полетели проклятья и молнии, воздух загустел от каменной пыли... и как попятилась, прячась в толпу, изящная блондинка в вуали и в плаще с капюшоном. Девушка была хороша, таким не место среди горожан, таким на троне сидеть – прелестной королевой турнира!

Сознание ушло незаметно, вознося над битвой и суетой, оставляя монаха лежать на ступенях с мечтательной мягкой улыбкой...

– Значит, там была девушка. Блондинка, – принял к сведению Эрей Темный.

– Пройдете в Храм? – предложил Истерро. – Я сниму с Круга защиту.

– Большая честь, – хмыкнул Эрей, невольно косясь на переплетение арок. – А настоятель в обморок не рухнет? Вместе с резными балками?

– Я – настоятель Храма сего, – смиренно пояснил Истерро, опуская глаза и жестом гася охранные заклинания. – Прошу!

Эрей колебался пару секунд, но пересилил себя, шагнул к Храму, удивленно косясь на монаха.

– Чудны дела твои, Княже. Сам всеблагий Глас Рудознатца – настоятель какого-то храма какой-то дурацкой столицы! Куда катится мир?

– Дело в том, – не меняя смиренно-постного тона, пояснил покрасневший Истерро, – что меня отлучили от сана, я не Глас, я простой Белый брат, один среди многих слугителей веры.

Император явил великую милость, позволив мне взять под крыло центральный храм могучей Империи.

Эрей озадаченно промолчал, не рискнув задавать вопросы. Обычно от высших чинов освобождала разве что Седая Дева, но Истерро не походил на призрак. Он был молод, охоч до женского тела, но кто в Братстве хранил чистоту, точно новая страница писания?

– Вам неинтересно, советник, что со мной приключилось? – снова рискнул улыбнуться монах, проведя гостя в тайную комнату, спрятанную за алтарем. В комнатухе стоял невысокий столик и буфет из некрашеного дерева, на печурке кипел пузатый чайник, пахло травами и благовониями. На столике лежал фолиант, который монах читал до прихода к Храму Эрея.

Маг признался:

– Мне интересно. До жути и даже хуже, но я не решаюсь спросить.

– А зря! – рассмеялся Истерро, доставая миниатюрные чашки и тарелку со сдобным печеньем. – Вам бы я, пожалуй, ответил.

Пока он заваривал чай, от щедрот добавляя душистые травы, Эрей оценил ситуацию и согласно кивнул:

– Вам очень хочется рассказать. А мне предлагается роль исповедника. Ладно. Так что же с вами случилось?

– Исповедника? – удивился Истерро. – А впрочем, может и так. Исповедь темному магу – в этом есть новаторский стиль. Вы любите варенье, советник?

– Терпеть не могу сладкого.

– Я почему-то так и подумал, – Истерро с преувеличенной серьезностью наполнил вазочку вишневым вареньем, подцепил кровавую ягоду и задумчиво уставился в ложку. Когда он опять поднял голову, в расширившихся зрачках заплескались волны Океана, отмеченные *рубиновым* отблеском.

– Всему виной та история с демоницей. Полтора года мне не давала покоя странная цепочка совпадений, я дергал разные ниточки, но они обрывались одна за другой. Судите сами, советник: в центральном Храме, на церемонии венчания Императора! – присутствует всего лишь один священник, и тот в преклонных годах, слаб сердцем, а остальные Братья, живущие в Империи, как будто не замечают это событие. Я говорил со многими; их оправдания невинны в частности, но подозрительны в совокупности. Как вам известно, проводить церемонию должен был отец Свальд Ван-д’Эйль, но за день до свадьбы он получил доказательства измены жены. Спору нет, повод серьезный: отче затворился в келье, отказавшись выходить в Свет. Отец Тиберий поехал к умирающему вельможе, у того обнаружилась чума, и Тиберий вызвал еще пятерых – держать оборону. С братом Несбесом случился приступ; при этом его нашли в двух перегонах от Венниссы. Я проявил упорство и разыскал свидетелей, сообщивших по секрету, что Несбес получил приказ о переводе в другую епархию, чем был крайне огорчен и озадачен. Полагаю, он поехал в Святую землю за указаниями, но по дороге потерял сознание и рассудок; письма при нем не нашли, и я подозреваю подлог и яд на священных печатях.

Эрей одобрительно хмыкнул: ему всегда казалось, что обычай целовать печать Перво-священника делает Белых собратьев уязвимыми.

– Вы только не считайте меня параноиком, – попросил Истерро, ковыряясь в варенье, – но мне кажется, будто некто, Темный, почти всемогущий, взялся за Белое Братство, взялся всерьез, основательно, и подобрался вплотную. На нас давно не охотились, советник, мы ослабились и потеряли бдительность, мы перестали контролировать ситуацию. Вы можете не верить, сомневаться, но я смотрел в глаза этого мага, там, на площади, когда держал демоницу: я укрепил защиту, и он выдал себя, ударил сам; он не ждал меня в Храме и растерялся.

– Вы оказались в Храме случайно?

Истерро принял покаянный вид:

– Признаться, да. Случайно и тайно. Нес волю Первосвященника в Олету, представляете, сбился с дороги.

– Неблизкий круг, – усмехнулся Эрей.

– Что же делать. До смерти приспичило взглянуть на государыню. Она прекрасна, советник, она божественно, безбожно хороша, она...

– Вас не за это отлучили, Истерро?

– Увы! Лишиться сана ради прелестных глаз Рандиры – подвиг, достойный куртуазного романа. Я был бы популярен. Нет, тогда я победил, проступок стал предвиденьем и волей Рудознатца. Дело в другом. – Истерро вновь сделался серьезен: – На лбу у одержимой демоницы я прочел странный знак, вроде клейма: руна в окружении лепестков по сторонам светотени. Я изучал магическую тайнопись, но подобное увидел впервые. Я взялся за поиски, ночевал в книгохранилище Братства, перерыл кучу свитков и фолиантов – тщетно! Любопытство и страх распирали меня, ничего на свете я не желал столь страстно, как найти разгадку таинственной руны. И я пошел на преступление, советник. Подробности вам ни к чему, но я проник в секретный архив, вскрыл замки и прикоснулся к запретным книгам Белого Братства.

Эрей присвистнул. О подобных книгах он слышал однажды от Жатто, когда потерявший наследника старик взялся за его обучение. Кое-что из древнего знания досталось темным, но большая часть истории тщательно хранилась светлыми, и ни единая живая душа, за исключением Первосвященника, не смела прикасаться к ветхим кодексам.

– Вы нашли разгадку? – осторожно спросил Эрей.

– Нет, – покачал головой Истерро. – Зато нашел иные загадки. Боюсь, что не должен рассказывать даже вам о том, что увидел в архивах. Книги с непонятными чертежами, на мертвых языках, не поддающихся ментальному переводу, большинство я не смог прочесть, а то, что прочел, пугает до дрожи.

Темный жестом остановил его, приказывая молчать. Чужие тайны обременяют сознание; Эрею совсем не улыбалось сделаться должником Братства и приносить нелепые клятвы. Повисшая в воздухе пауза затянулась; Истерро отвернулся с безразличным видом и занялся остывшим чайником, Эрей скривился, почуяв в нервных жестах монаха обиду, и подивился собственному раздражению. Словно извиняясь непонятно за что, он кашлянул, привлекая внимание и, пролив на стол густое варенье, начертал в багряной лужице руны в окружении лепестков лилии.

– Это она... – прошептал, порывисто обернувшись, Истерро. – Клянусь Господом Единым, это...

– Руна смерти, – морщась от отвращения, пояснил Эрей и резко смахнул со стола варенье, бормоча защитные формулы. – Руна убийства. Тяжелый обряд, не каждому по Силам во внешнем мире.

– Даже вам? – уточнил монах.

– Я не пробовал, – не стал врать Эрей.

Истерро задумчиво потер подбородок. Внимательно посмотрел на Эрея:

– Логика нам подсказывает, что подобное в свободном мире могут сотворить лишь маги Камней. Много ли магов Камней в мире Кару?

– Шестеро, не считая меня.

– Где они?

– Трое лет пять не покидают Аргоссу, двое отправились на Острова в поисках Древнего знания.

– Остался один. Не считая вас. Выходит, вы знаете, кто подчинил себе волю фаворитки? – Истерро не сводил с мага взгляда, и от нестерпимого сияния его глаз, зеленых, как *изумруды*, захотелось спрятаться, отгородиться, усилить магическую защиту, – и все расска-

зать, до последнего слова, открыть все тайны, разделить бремя и вздохнуть свободнее, полной грудью, радуясь и огорчаясь...

Эрей выправил личный барьер, и гипнотическая Сила Истерро угасла. Маг залпом выпил остывший чай и вытер невольную испарину:

– Лучше вам этого не знать, светлый Брат, – сказал он с легкой угрозой.

Истерро тоже оттер пот со лба:

– Простите. Я только хотел помочь.

– Я понял.

Они помолчали; последовательный Истерро вновь наполнил изящные чашки, и Эрей с удовольствием выпил настой, наслаждаясь терпким букетом с легкой крапивной горчинкой.

– Способствует укреплению Сил, – с горделивой ноткой поделился монах. – Мой собственный рецепт, между прочим.

– Приятный вкус, – похвалил Эрей и сбился, озадаченно хмурясь: стены храма гасили мирские звуки, но что-то происходило за ними, за этими толстыми стенами, на площади, он ясно расслышал обострившимся звериным слухом крики и звон оружия. – У вас всегда так шумно, Истерро?

Монах, уже взявшийся перечислять все ингредиенты напитка, усталился на Эрея, требуя объяснений, потом закрыл глаза и прислушался. Через минуту он сообщил, не скрывая изумленной тревоги:

– Там мечется темная тварь, норовя кого-то сожрать!

Эрей не дослушал, вскочил и побежал прочь из Храма, по узкому коридорчику, мимо алтаря и молитвенных кресел, вырвался на площадь, мощным пинком распахнув кованые ворота.

На площади, за чертой Круга, буянил целенский конь, угрожающе скалясь на стражу. Бравые молодцы стражи городского порядка кружили рядом с арканами, отважно кидаясь в разные стороны, едва конь поворачивал морду. Чуть в стороне стонали жертвы более близкого общения с монстром: один баюкал обожженную руку, второму вязали разодранный бок.

– Дэйв! – рявкнул маг, выбегая за Круг. – Живо ко мне!

При виде хозяина коняга издал жутковатый вой, лягнул напоследок копытом и подошел, ткнувшись мордой в ладонь. Стражники, поразмыслив, двинулись в обратном направлении, прихватив раненых и случайных зевак.

– Ну и какого черта? – грозно осведомился Эрей у виновника переполоха.

– Ух ты! – радостно изумился Истерро, держась на почтительном расстоянии. – Целенский конь! Настоящий! Я давно мечтал изучить их, честно, я много читал про цельконов, вот наши ученые говорят, что это гибрид коня и дракона, полученный в результате селекции, но драконом тут и не пахнет, а зато, смотрю по зубам, не обошлось без волчьей крови! А какой у него размах крыльев? Как долго он может продержаться в воздухе? А предельная скорость полета?

– Потом! – отмахнулся Эрей, с тревогой осматривая коня, норовящего ухватить за плащ и затащить в проулок. – Что с тобой, Дэйв? Ну, спокойней, спокойней... Что это ты?

– Он заболел? – присмотрелся к коню и монах. – Я попробую полечить. Советник, его же трясет!

Эрей медленно осмотрелся. Вокруг было спокойно, как-то безнадежно тихо и мертво. Через миг он понял, что смолкли птицы, не видно собак и кошек, и пчелы не жужжат в храмовом саду. Подняв глаза к потемневшему небу, маг ужаснулся ливневой туче, медленно наползавшей на город.

– Зовите на помощь Братство! – напряженно шурясь, приказал он Истерро. Поймав озадаченный взгляд монаха, пояснил: – Дэйв боится. Целькона очень трудно напугать, Истерро!

Монах попытался, потом еще раз, растерянность сменилась беспомощной злостью, он поднял голову к туче, сверкнув *изумрудной* зеленью взгляда:

– Я не могу. Он глушит меня! Глушит, как в прошлый раз!

– Тогда держите защиту! – крикнул в небо Эрей, доставая из сумки боевой амулет и ударом посоха поднимая ветер. – Как в прошлый раз!

– Над Храмом?

– Над городом!

– Что?!

– Вашу мать!

Ураган крепчал. Амулет – *агатовая* мозаика – вскрывал энергию воздушных *камней*, бившую тонкими смерчами в небо. Эрей, активируя формулы распада, напрягся, Силясь удержать, отвернуть набухшую гноем проклятий тучу, уже накрывшую пригород. Адская гора надвигалась, тяжело, мощно, против ветра, против правил, изредка выпуская языки молний, поражавшие окрестные деревни. Ураган трепал ее, будто шавка, вцепившись в матерого вепря, выдирая ключья шерсти и отступал для отчаянной новой атаки, чуть выше насели косматые ливни, полные защитных заклятий, и в воздухе еще колыхалась обратная формула *аквамарина*, но туча ползла, приближалась, неотвратимо, точно конец светотени; у Эрея вздулись вены на лбу, у глаз и по крыльям горбатого носа лицо сделалось цвета первородного *кальция*, посинели сжатые губы...

– Я попросил бы вас оставить мою маму в покое! – холодно посоветовал Истерро, вскидывая тонкие пальцы.

Иссия-черная гора дотянулась до Столицы и отпрянула, наткнувшись на границу Светлого круга. Монах пошатнулся, но выстоял, не опустил холеную руку, вымученно улыбнулся:

– Советую попросить прощения!

Маг с трудом представлял, чего стоит монаху держать под контролем целый город, прикрывая собой кварталы и площади, полные перепуганных людей, чувял в жесте скрытую власть, немалую Силу бывшего Гласа. От изящного взмаха прозрачной руки ему самому полегчало, точно небо приподняли с изломанных плеч, но Истерро рисовался, как мальчишка, бравировал, выставлял чудеса, будто фигляр в балагане.

– Советую не отвлекаться! – рявкнул Эрей, глотая воздух, толкая кислород в горячие легкие. – Еще и папашу припомним!

Дэйв взвыл дурным голосом, отчаянно, страшно, обнажая клыки и вытягивая шею, Истерро вздрогнул, дернув головой, и в тот же миг на радугу защиты обрушился удар немыслимой Силы, купол дал трещину. Монаха швырнуло на мозаику площади, подняло, шарахнуло о стену Храма; Эрей прыгнул, заслоняя Истерро, наскоро рисуя охранный веер из обратной формулы *гранита*, отбил прицельную молнию, швырнул щедрой горстью свой *кремний*. Градину размером с крупное яблоко уничтожил целькон, плюнув пламенем, еще, еще, взмахнули кожистые крылья, конь взлетел и завертелся, помогая хозяину, рискуя и подставляясь; от пары пощечин, полновесных, от сердца, Истерро пришел в себя, вновь становясь в защиту, Эрей ударил по туче и крикнул коню:

– Во дворец! Пни мерзавца Ерэма, а потом разнеси по *камешку* храмы Столицы! Развелось светлой швали, не продохнуть, проку с них, как с козлов!

Градина угодила целькону в крыло, тот тихо рыкнул и подался прочь, часто сплевывая огненными сгустками.

– Заткнитесь, вы! – заорал Истерро и вскинулся, точно вспышка гнева влила в него новые Силы. – Не в наш огород *камень*, темный козел сотворил все это, в печень его и в яйца! Дайте руку, советник, ну!

Изумленный Эрей мотнул головой и втиснул пальцы в ладонь монаха. Тот сжал их, отчаянно и зло, расхохотался так, что по спине скатились холодные искры, выгнулся, выбрасывая вверх свободную правую руку.

– Жезл мне! Жезл Единения! – закричал неведомо кому Истерро, и ответом на призыв в подставленную ладонь упал странной формы кинжал. – Двойной щит! – на грани истерики завопил монах, ткнув кинжалом в небо. – Авента рон-гто авер!

– Авер-т! – одними губами поправил заклятье маг и понадеялся, что сходит с ума. – Авента рон-гто авер-т.

Сияющий щит накрыл их, слился с энергией Белого круга, впитал ее и двинулся дальше, вытесняя чужую порчу.

Истерро держал щит на кончике кинжала и улыбался; Эрей чувствовал, что умирает: монах черпал его Силу беззастенчиво, жадно, как черпают воду родника после жаркой пустыни, сам Эрей не решался выкладываться так, без остатка, без права на отступление. Но туча уходила, не пролив на город свои смертоносные капли, туча таяла безумной марой, и Эрей улыбался вслед за Истерро, гаснущим сознанием принимая, что они держат Щит вместе, они создали его – вместе, темный и светлый маги, они снова заодно, точно не было тысячелетий раздора. Что он возможен, попросту возможен, этот Щит, о котором рассказывал мастер Жатто, и с этим можно и нужно жить... Просто жить, принимая как данность... Просто жить! Просто...

– Вы убили меня, – с удивлением сказал Эрей, цепляясь за крохи сознания. – Спасибо, Истерро.

Монах потеряно отпустил его руку. Он ничего не видел и звуки долетали до него сквозь странный гул, похожий то на рокот волн, то на звон натянутой как струна защиты. Его слегка касались голоса Братьев и чей-то разгневанный бас, зовущий Эрея... Где-то в закоулках памяти всхлипывал целенский конь... Ноги перестали держать Истерро, подогнулись, он стал валиться на мозаику, и падал, падал, бесконечно долго, точно в разверзшуюся бездну, наполненную сиянием и горьким плачем.

Трактат о камнях

Существуют камни – и существуют *камни*.

Существуют *Камни* – и существует Камень.

Камень Мира, Святыня Святынь.

Камни – это *камни*, потерявшие Силу; *Камни*, потерявшие Душу; мертвые камни.

Их можно найти везде, из них строят жилища и возводят очаги, ими подпирают заборы, их сбрасывают на головы осаждающих крепость. При должной обработке иные из них могут сиять, отражая гранями солнце. Судьба таких камней выше, и выше их Цена. Им ищут оправу из мертвых руд и украшают ими все, что требует украшения.

Есть *камни*. И *камни* эти имеют Силу. Малую или великую, подвластную Степени Ряда. Высшую для Первых: для Следа, Пепла, Отражения и Отблеска. Они щедро делятся своей Силой, наставляя и помогая в бою. Такие камни часто становятся оберегами и амулетами, но только маги Камней знают Цену их Силе.

Есть *Камни*. И *Камни* эти имеют Душу. Способные говорить и мыслить, они направляют и советуют, подчиняют себе владельца, но счастлив попавший в подобное рабство, ибо ведет оно к высокой Судьбе.

И есть Камень.

Единственный, имеющий истинную Силу. И истинную Цену.

Камень Мира, Смотрящий Вглубь, Повелевающий Душами Многих.

Он принадлежит лишь Рудознатцу. Остальными – владеет.

Муэдсинт Э'Фергорт О Ля Ласто.

«Суть Вещей». Глава о природе камней, *камней*, *Камней* и Камня...

3

«Пегий дракон»

Голоса приближались и уходили прочь, нарастали, будто шум прибоя, отвлекали от медитации. Голоса были – огонь и вода: яростный взрыв и прохладное журчание, потом шипение, ссора, и снова по кругу, обвинения, извинения... пар ничемный...

Эрей открыл глаза, возвращаясь в реальность сразу и основательно. Ориентация в пространстве, очнувшись, подсказала, что он находится в Храме, временное чутье слегка запоздало, но дело явно шло к обеду, о чем напоминал пустой желудок.

Маг лежал на мягкой широкой кровати под роскошным балдахинном и веером кружевных полупрозрачных занавесок. В приоткрытую потайную дверь был виден угол стола и скупая меблировка знакомой кельи за алтарем. Келья намекала на аскетизм и бичевание духа, а вот спальня... Интересно, зачем бы монаху такое ложе? Прихожанок на нем исповедовать? Балаган, привычный для светлых, и веками взращенный рефлекс продолжения рода.

«Голоса... голоса... как дорога в небеса...»

Разговор за дверью шел волнами, норовящими опрокинуть чаепитие точно корабль, не убравший лишние паруса. Образ был до того живой и верный, что Эрей почти услышал, как трещат мачты. Рокочущий бас, гулко метавшийся под сводами кельи, заставил его улыбнуться и сесть в кровати.

– Да видел я, ю-чиньская морда, как ты из него душу вынимал! Все видел! Жаль, припозднился, братия твоя набежала, не то огреб бы ты рожей своей благодной по полной. Забери меня Эттивва! В Бога тебя, в душу, в задницу!

Инь-чианин бранился страстно, выкладываясь и изгаляясь, как умеют лишь бойцы роскошной школы перед жаркой битвой, стремясь разгорячить себя и ослабить противника. Он растекался нехитрой мыслью по обширному древу срамословий, подбирая обороты и сравнения, подсказанные богатым опытом и пытливым умом. Слушать Святогора было сплошным удовольствием, хотя, судя по нечастым репликам, Истерро разговор не радовал.

Мечтательно прищурившись, маг снова откинулся на подушки. Насколько он знал побратима, отвлекать того от содержательной беседы не имело смысла, а арсенал бранных слов у Святогора был богат и разнороден. Пока еще всех предков монаха расчислит по заслугам духовным!

Святогор... Здесь, в Хвиро, «по эту сторону» Мельт, его знали как Викарда, могучего варвара, пришедшего за лучшей долей. Так уж повелось, что всех выходцев Суровой стороны звали почему-то викардами, ровня под одну гребенку и сканванов, и россос, и гардов, хотя сама Вика была малочисленна. Впрочем, Святогор, урожденный гард, не обижался и не спорил: Викард так Викард, пес с вами, нечестивыми уродами! Варвар так варвар.

О том, что инь-чианин читает на трех мертвых языках и владеет древним искусством каллиграфии, знали немногие. Но когда он буянил в кабаках и отказывался платить, трактирщики пожимали плечами, тая в глазах превосходство: мол, варвар, что с него взять! И всегда держали двери трактиров нараспашку, если он шел по улице, разве что вышибалу нового проверят: сколько выстоит супротив великана? Знали, умники, чья кровь течет в варварских жилах, чей нож оставил отметину на запястье, мотали на ус и вновь философски вздыхали: рискни не впустить такого! Одно время Рад порывался платить из казны, но Викард пил и ел столь обильно, с таким усердием, на совесть крушил кабаки, что Император быстро отсекся от дурной затеи с пансионом.

– Я не мог иначе! – рискнул оборвать поток ругательств Истерро. Голос у монаха был измученный, бесцветный, видно, и его опустошило, вывернуло не хуже Эрея. – Отстань уже!

Это древняя магия, раньше мы вместе защищали города, останавливали мор и разгулявшиеся стихии...

– Ты и Эрей, что ли? – возмутился прямодушный инь-чианин. – Да ты на себя посмотри, задохлик! Защитник, пес тебя, вместе!

Истерро не нашелся, что ответить.

Не хотелось вставать. Хотелось закрыть глаза и снова нырнуть в Океан, расслабиться и лежать, качаясь на волнах, точно лодка, собирать жемчужины озарений, вскрывать перламутровые раковины Силы, копить ее впрок, жадно, пить захлеб, чтоб отпустило, наконец, перехваченное горло, и перестали ныть старые, еще человеческие, шрамы, чтобы уже задвигалось пробитое копьём плечо. Не хватало Сил жить, не то что колдовать, хотелось покоя, Княже Темный, покоя толику, самую малость, права полежать еще немного, поспать, чуть-чуть, две минуты... пару дней... пару лет...

За дверью закипала тихая, но яростная ссора. Доблестный инь-чианин достал терпеливого Истерро, смирение монаха испарилось, и тот принялся ругаться в ответ, приплетая суровый мат мертвых наречий. Викарда такой поворот лишь порадовал.

Эрей неторопливо встал и осмотрелся в поисках одежды. Нет, на нем по-прежнему была рубаха, в меру грязная, штаны из заляпанной чем-то кожи, сапоги валялись рядом, все в царапинах от скребка... А вот плащ – пропал! На изящном стульчике лежала аккуратно свернутая мантия, а плащ унесли светлые сволочи – не иначе, вырвало кого-то с непривычки, запачкали да сдали прачкам, грех застирывать. Твари, прости, Княже, язык срамной!

Эрей потянул к себе мантию и тотчас взял все слова обратно. Извинился мысленно перед монахами. Под шелком обнаружились поясной мешочек с *каменьями* и *серебряная* фляга с чеканными рунами, в сохранности, и печати не сорваны, ай, молодцы, не тронули, не рискнули! Осторожно, борясь с предательской дрожью, маг свинтил крышечку, с наслаждением вдохнул пошедший аромат и скупое, выверенным жестом приложил горлышко к разбитым губам. Маленький алчный глоток, и драгоценные капли скатились по воспаленному горлу, упали в желудок и оттуда, нарастающим блаженным звоном, жажнули по жилам, в голову, в руки. Оглохший, ослепший маг на ощупь закрутил крышку, привесил бесценную флягу к поясу и прислушался к гулу, заполнившему организм. Когда под черненными ногтями знакомо засвербело, заискрилось, вздохнул с облегчением и благодарностью. Низкий поклон вам, мастер Жатто, великий маг и знаток *металлов*, снова задолжал вам Эрей, недостойный ученик, советник Императора, а сумеет ли расплатиться – кто знает!

Натянув мантию и оправив косу, маг шагнул в проем, к свету и брани, не скрывая довольной улыбки, и замер, открыто любуясь картиной.

Инь-чианин навис над невзрачным Истерро, сжимая пудовые кулачищи. Уже в шестнадцать Викард выделялся среди своих сверстников; в тридцать с лишним он внушал суеверный ужас. Огромный двуручный меч лежал поперек стола, прочие были великану малы, как кинжалы, да и двуручник, как подозревал Эрей, варвар мог прицепить на пояс.

– Побратим, – окликнул маг инь-чианина. – Ты бы немного остыл, эта келья для тебя тесновата.

– Он что-то брякнул про мою сестру! – прорычал Викард, заведясь не на шутку. – Эта белая сволота помянула все мою сестру!

– Я помянул всех твоих родичей до седьмого колена, всех братьев и сестер, племянников и племянниц, – с достоинством возразил бледный, как простыня, Истерро. Монаха заметно тошнило, было ему мутно и неудобно, будто с похмелья, клонило то ли в сон, то ли в обморок... Не до варвара ему было, не до защиты.

– Побратим! – повелительно крикнул Эрей. – Оставь пресветлого брата в покое! И подай мне чистую чашку.

Викард для острастки повращал глазами, постучал кулаком о кулак, потом хмыкнул, уже без намека на гнев, и пошел мыть посуду в бочке. Одно дело – запугивать до икоты, и совсем другое – позориться дракой.

– Вам лучше лечь, – предложил Эрей.

– Наверное, – устало согласился Истерро.

– Что это вы сотворили на площади? Двойной Щит – легенда.

– Я же говорил, – улыбнулся монах, – я узнал много нового. Запретного, но интересного. Я, правда, не ждал практических занятий.

– Мощно получилось, но формула требует доработки. Заклятье не должно высасывать досуха, достаточно одного рывка. А вот и чашка, спасибо, Берсерк.

– Берсерк? – вскинул брови Истерро, наблюдая, как маг открывает фляжку.

– Вы не видели, как он дерется? Это вам повезло, – Эрей тщательно отсчитал десять капель. – Впрочем, прозвище дал не я, а те немногие темные, что уцелели после беседы.

– Так он что, тот поганец, кто извел всю реликтовую нечисть Ю-Чиня? Да на кол его, паршивца!

– Ой-ой-ой! – издевательски протянул Викард. – Совсем запугал, Белый Бабник, просто не продохнуть от ужаса.

– Кто?! – злобно каркнул Истерро, а Эрей с любопытством оторвался от чашки. – Как ты сказал, мурло инь-чианьское?

Тут и пришел бы монаху конец, но Эрей счел за благо вмешаться. Оттерев побратима к спальне, кратким жестом он осадил готового к сваре светлого и покачал головой:

– Ну вы еще подеритесь, Истерро, право, нашли, с кем связаться!

– Бабник и есть, – рассмеялся Викард. – Вон, ты кровать его видел? Все светлые – бабники! И вот что я тебе, светлость, скажу: тронешь моих девчонок, я тебя удавлю! У меня и списочек есть...

Тут инь-чианин порывлся в складках плаща с меховой оторочкой и выудил мятый свиток, весь исчерканный женскими именами.

– Нужны мне твои шалавы! – отвернулся от списка потрясенный Истерро. Эрей воспользовался затишьем и сунул монаху чашку с раствором; тот недоверчиво фыркнул: – Это еще что такое?

– Вода.

– Вода? – расхохотался Викард, погрузившийся было в чтение. – Умеешь ты, братко, шуткануть по-черному!

– Для воды у нее странный запах.

– Пейте, Истерро, не отравлю.

Монах подчинился, с опаской пробуя незнакомый раствор на язык. Прислушался к ощущениям. Эрей отошел в сторонку, пряча флягу под мантию. Он готов был держать пари, что Истерро запросит добавки.

– Это живая вода Аргоссы! – хрипя от волнения, сказал монах, едва ли не вылизав чашку. – Но это же невозможно! Как?!

Эрей не стал отвечать. Он терпеть не мог глупые сказки про Живую и Мертвую струи Аргоссы, но в Хвиро они прижились. Тем временем Истерро замер, сосредоточившись на переменах, происходящих с его организмом, деловито прощупал собственный пульс, исследовал ногти, не поленился встать, чтобы, сменив освещение, изучить зрачки в крохотном зеркальце.

– Мне бы очень хотелось осмотреть вашу фляжку, – умоляюще сказал он Эрею, но тотчас сник, опуская глаза. Потом вскинулся снова: – За право ее осмотреть я отдал бы заклинье Двойного Щита.

– Я его знаю, – отрезал Эрей, но, поймав опечаленный взгляд монаха, смягчился и пояснил: – Фляга сделана из особого *серебра*, закаленного поочередно в источнике *Каменной Силы* и роднике *БесСилья*, которые вы называете *Струями*.

– Откуда она у вас?

– Досталась в наследство от великого мастера, знатока *руд* и *камней*.

Истерро притих, борясь с искушением разворошить чужие секреты, любопытство добиало в нем деликатность, и Эрей приготовился к новым расспросам, но положение спас заскучавший Викард.

– Хей, други! – вдруг гаркнул он, для большей весомости саданув кулаком по буфету. Хрупкий шкафчик жалобно хрустнул и затренькал стеклом и фарфором. – А не завалиться ли нам в ближайший кабак? Я вот ужас какой голодный, да и вам не мешает... того... подкрепиться.

Эрей благодарно прикрыл глаза: его побратим точно знал, что темных магов нужно кормить после битвы, а не пытаться бесконечными разговорами.

– В харчевне Хербенса подают божественный чай в глиняных кружках, особый сбор степей Юцияня, – слегка оживился монах, понадеявшись, видимо, что сытый маг станет чуть откровеннее. – А еще там есть бисквиты и яблоки в кляре, чудо как хороши.

Эрей кивнул. В той же харчевне два года назад он попробовал славные гренки с солью и салат из рыбы с морской капустой.

– Тьфу, пропасть! – выругался инь-чианин. – С вечными мажыми постами свихнешься! Будете сидеть с кислыми рожами и благочинно смаковать отраву. Лично я мяса хочу, ясно вам? Мне мясо силы добавляет, извращенцы. Мать вашу за ноги да раздвинуть!

Истерро опять гневно дернулся, но Эрей удержал:

– Не стоит. С этим обычаем только смириться.

– Как вы терпите этого варвара? – с горечью спросил Истерро, даже руки воздел в балаганном жесте, но оборвал сам себя, махнул двумя сразу: – А, ну вас! Пойдемте куда-нибудь, мне все равно. Только переоденусь!

Пока монах возился за ширмой, примеряя мантии и бранясь вполголоса, Эрей спросил побратима:

– Лорейна в Столице?

Викард отрицательно качнул головой:

– Летает где-то птичка моя. Зато сестрица ее, Милина, вдруг объявилась в городе. Знаешь, Свальд от нее отсекся. По всем канонам: маги из Венниссы понаехали, кровь брали, ворожили над ней, долго ворожили, а потом – приговор: не дочь, и все тут! Теперь она Милина Идель Фабро, по матери.

Эрей кивнул, приняв к сведению.

За десять минут Истерро успел расчесать темно-русые кудри, собрать их в канонический хвост, приодеться в шелка, и благоухал при этом, словно побратимы угодили в имперский розарий. Живая вода помогла, выглядел монах гораздо лучше, на блеклых щеках заиграл румянец; Истерро даже сделался выше, впрочем, здесь виновата была не вода, а туфли на платформе, вроде котурнов. Скипетр, заменявший посох, как повелось у светлых, сверкал *каменьями*, лиловая мантия была расшита золотыми цветами. Прическа, поступь, благоухание, – одним словом, прелат! Иначе не скажешь.

Викард присвистнул и подавил нервный смешок. Эрей поморщился. От природы светлые маги не отличались особой красотой и были в большинстве своем низкорослы и невзрачны. Видно, Господь Единый, дозволивший им потомство, отказал в такой малости, как внешняя привлекательность. Оттого и стремились Братья всеми правдами и неправдами исправить явное упущение Господне, иные не брезговали и гримом, и париками, а то просто держали собеседника под непрерывным гипнозом, тратя невеликую Силу. Служитель Господа должен

быть прекрасен во всем, неся слово Его прочим народам, и для подобной цели хороши были любые средства. Темный Эрей не мог этого понять. Да и не стремился, если говорить откровенно.

– Я вспомнил еще местечко, – певуче протянул монах, выпуская их из Храма на свежий воздух. – Среди прочего там готовят мясо в горшочках, тушат с пряными травами. У них приятные запеканки из корнеплодов, да и овощные рагу безупречны, с юциньским акцентом.

– Что еще за корнеплоды? – насупился Викард, сердцем чуя подвох.

– Картошка, например, – пояснил Эрей. – А кашу там варят?

– Кашу? – поперхнулся монах. – Какую кашу?

– Овсянку на мясном бульоне, – встрепнулся Викард, облизываясь. – С гренками, клецками и поджарками, щедро сдобренную маслом и жиром! Дьявол, ложку можно проглотить!

– Боже Единый! – закатил глаза бедный монах и больше о кулинарных изысках не заговаривал.

Заведение «Пегий дракон» оказалось в меру просторным, идеально чистым, почти вылизанным, с богатой публикой за резными столами. При виде кресел, обитых бархатом, и полок, заставленных стеклом и фарфором, Викард заметно поскущел и постарался уменьшиться в размерах. Истерро в ресторации хорошо знали, сразу провели в кабинет, отделенный от общей залы витражной перегородкой. Вышколенный прислужник лихо застелил стол чистой скатертью, разложил салфетки, приборы, выдал каждому по листку в вензелях и испарился, напоследок преданно сверкнув глазами.

Эрей быстро пометил нужные блюда, помог побратиму, особо означив тройные порции, и занялся изучением местной публики. Истерро возился долго, составляя сложное и сбалансированное меню. Насколько понял маг, монах заботился о гармоничности трапезы, а попутно считал калории.

Наконец, все три листка были отданы явившемуся на зов слуге; тот принял заказ и снова позволил себе преданный взгляд, с намеком на удивление. Эрей мог его понять: нечасто богатые ресторации посещают столь странные посетители. Маг поднял на нахала глаза, пять секунд посмотрел не мигая, и прислужник исчез, растворился в воздухе, слету поймав намек. Мир полон странностей, всему удивляться – целой жизни не хватит.

Подали первую перемену, бутылъ вина для инь-чианина и кувшинчик перебродившего сока для магов.

Викард быстро запутался в разложенных на салфетке приборах, вооружился ножом и ложкой, плюнув на церемонии, и принялся уписывать знаменитое мясо в горшочках, попутно цепляя с общего блюда ломти запеченного картофеля и ароматные хлебцы. Истерро наблюдал за ним, до предела округлив глаза и посекундно оглядываясь с нескрываемым ужасом. Судя по сдавленным стонам, его чистейшей репутации был нанесен непоправимый урон. Ел монах мало и откровенно страдал.

Эрей его терзаний не разделял; напротив, его всегда восхищал неизменный, почти щенячий аппетит побратима, готового сожрать даже кости и вылизать блюдо. При этом пил Викард за троих, что само по себе заменяло балаганное представление.

– Хороша еда, только маловато! – приговаривал с набитым ртом инь-чианин, норовя вытереть жирные пальцы о скатерть. – А ты что же, черная душа? Постишься? Одним корнеплодом сыт не будешь!

– Ночью оторвемся, – утешил Эрей. – Завалимся в какой-нибудь кабак, закажем бычка на вертеле. Ночь – время темное.

– Угу! – согласно кивнул Викард, приканчивая бутылъ. – А Бабника с собой возьмем? Чего он кислый сидит?

– О нет, пожалуй! – забеспокоился Истерро. – У меня молебен и вообще дела... бичевание...

– Ну да, ну да! – фыркнул инь-чианин. – Слушай, парень, там такие девочки небалованные, им пару стишков прочтешь – все твои! Почти все многих фрейлин будут! Я сравнивал, – добавил он, скромно опуская очи долу.

Истерро примолк, ошутимо борясь с соблазном.

– Ох, испортим мы вас, Истерро! – хмыкнул Эрей.

Ответить монах не успел.

– У нас гости, – смачно разгрызая хрящ, возвестил Викард.

Эрей скосил глаза и кивнул: сквозь витражную перегородку было видно, как общую залу решительно пересекают пятеро гвардейцев с каким-то юнцом во главе. К ним кинулся сам хозяин ресторации, но молокосос в форме капитана лейб-стражи отклонил предложение подкрепиться, осмотрелся наметанным взглядом и направился в сторону магов.

– Может, Император прослышал о наших подвигах? – вслух размечтался Истерро.

– Типун вам на язык! – поморщился маг.

– Да ладно вам! – хмыкнул Викард. – Это он меня идет арестовывать. Ох, позабавимся, други!

– Что ты опять натворил? – заинтересовался Эрей.

– Да эти твари Дэйва не хотели в конюшню пускать! – обиженно насупился Викард. – Пришлось разъяснить, что к чему, негодяям.

Декоративная ширма легко отлетела в сторону, и на пороге кабинета нарисовался отряд гвардейцев.

– Мы заняли ваше место? – вежливо осведомился Эрей, подливая себе перебродившего сока. – Господин Дар Гонт, если не ошибаюсь?

Капитан лейб-стражи лихо щелкнул каблуками и неодобрительно посмотрел на мага:

– Вы все-таки вернулись, – сказал он таким тоном, будто сбылись его худшие опасения. – А я, наивный, не верил.

Ему было от силы двадцать, и многие позволяли себе снисходительный кивок и взгляд свысока при встрече, за что расплачивались потом сполна. Капитан Дар Гонт никому не прощал панибратства, он открыто и рьяно пробивался наверх, к самым ступеням трона. Возможно, он видел в Эрее соперника, препятствие на пути к мечте, но магу было плевать.

Эрей спросил, обозначив вызов:

– Что вам угодно, Дар Гонт?

При этих словах решимость гвардейцев заметно угасла. Напасть на Викарда и уцелеть – своего рода подвиг, которым можно бахвалиться, если дозvoлят целители, но нападать на темного мага – чистой воды самоубийство. Понял это и капитан, но упрямо и твердо ответил, чуть повышая голос:

– Мы пришли арестовать господина Викарда из Инь-Чианя. Если варварам Суровой стороны известны понятия чести, он не окажет сопротивления и сдаст оружие, чтобы ответить за свои преступления перед Империей. Если же нет, мы возьмем его силой и отведем в карцер.

Викард продолжал невозмутимо есть, похрустывая хрящиками и облизывая пальцы. Какое-то время все наблюдали, как он поглощает баранину на шпажке, обмакивая жирные куски в острый соус; бравая гвардия поскущнела и принялась озираться по сторонам. Эрей выдержал паузу и спросил:

– На каком основании?

– Ваш побратим привел в дворцовые конюшни крылатую тварь с Темной стороны! – не выдержав тона, крикнул Дар Гонт. – Конюхи позвали на помощь. Господин Викард соизволил избить конюхов и десяток гвардейцев. Подлая тварь укусила сержанта, подпалила любимую клумбу государыни и выгнала из конюшни лошадей Императора. Я вынужден просить вас о помощи. Вы – темный, отправьте эту мерзость на место!

Эрей холодно посмотрел на Гонта:

– Эта мерзость, капитан, мой конь. Полагаю, место коня – в конюшне.

– Конь? – растерялся Дар Гонт. – Это чудище? Да вы с ума сошли!

Маг с сомнением оглядел ресторацию. Гвардейцы дрогнули, но не посмели отступить и оставить своего командира.

– Умоляю, только не здесь! – испуганно вскрикнул Истерро, перехватывая руку Эрея. – И не в городе, Бога ради!

– Да ладно! – с набитым ртом пробурчал Викард. – Тоже мне, развели говорильню. Вот доем, разберемся, кто из нас виноватый.

– Отпустите мою руку! – приказал Эрей. – Руку, ну!

Гонт побледнел, но сумел скривить губы в улыбке. Стиснув перекрестье меча, молодой капитан выпятил грудь и сплюнул:

– Только попробуйте, вы!

В тот же миг Эрей выдрал руку из цепких пальцев монаха; из-под черненных ногтей сверкнул распавшийся *кремний*, молния ударила поверх головы капитана лейб-стражи.

– Промазал! – нахально бросил Дар Гонт, но Эрей ударил снова, повыше; Истерро с расширенными глазами уже кричал заклинания; что-то рухнуло с потолка за спины застывших гвардейцев, а дальше, отшвырнув капитана, в бой вступил стосковавшийся Викард.

Угрожающе взвыл двуручник, полетели осколки стекла; кто-то черный и склизкий, со змеиной чешуей и сочащимися ядом клыками зашипел, увернулся, атаковал, метя в голову воина. В тесной клетушке огромный меч только мешал великану, при замахе застрял в потолочной балке. Ну чтоб не напасть твари на улице или там в парке каком, так нет же! В ресторацию дрянь потянуло!

– Это глоссарх! – крикнул монах, выдергивая гвардейца из-под атаки змеящера. Его напарник уже дергался в конвульсиях. – Осторожнее, он ядовит!

– Я догадался! – заорал Викард, уворачиваясь от зубастой пасти и втыкая под чешую столовый нож. – Строй защиту, Бабник!

– Держи, побратим, – Эрей швырнул великану поднос, Викард умело перехватил его и с размаху засадил темной твари в голову:

– Получи, засранец хренов! Вот, жри, жри! Корнеплод тебе в душу!

Через секунду освобожденный двуручник достал глоссарха на излете, зацепив чешуйчатый хвост. Глоссарх взревел так, что полопался фарфор, свернулся в готовый к удару клубок, но молния Эрея задела лапу: подпаленный глоссарх завизжал от боли. Истерро выполз вперед, рисуя полукруг и бранясь заклятьями; Викард забавлялся, забрасывая тварь объедками со стола. Змеюка была у них в руках, вяжи и пользуйся, как вдруг мимо монаха проскользнул Дар Гонт и ударом меча отсек темной твари голову. Глоссарх тихо свистнул, его шея раздулась и взорвалась черной кровью; мощный ядовитый гейзер ударил в потолок, подтачивая балки. Викард схватил в охапку Истерро и нырнул под стол, под энергетический щит Эрея; проклятый молокосос успел шмыгнуть за колонну.

Когда ток крови иссяк, Эрей щелчком погасил Черный круг и оглядел компанию, осторожно вылезавшую из укрытий. Выглядели все неважно, но ресторация «Пегий дракон» по большей части осталась цела, хотя посетители разбежались.

– Ну и какого черта? – спросил у юнца великан. – Кто ж глоссарху голову рубит? Вот вечно лезут, не разобравшись, помощнички.

– Столько крови потеряно, – с досадой добавил маг. – Такие эликсиры – на потолочные балки.

– Животное можно было спасти! – в голос с ним сокрушался Истерро. – Глоссархов в мире остались считанные единицы. А это самка! Была.

Дар Гонт переводил недоуменный взгляд с одного на другого и тщетно пытался понять. Похоже, себя-то он видел героем, спасшим троих непутевых вояк. И примерял венок победителя.

– Вечно от вас неприятности! – отчеканил он, не сводя глаз с Эрея. – Не успели вернуться, а уже столько бед! Полагаю, вы задолжали хозяину, потрудитесь-ка возместить ущерб. А вы, сударь, – повернулся Дар Гонт к слегка обалдевшему великану, – арестованы! Следуйте за мной!

– Ну-ну, – хмыкнул Викард, прихватил остатки скатерки и стал вытирать клинок. Льяная ткань истлевала, касаясь пятен на *посеребренном* лезвии. – Что-то гвардия твоя разбежалась.

– Сдай меч! – приказал в ответ капитан.

– Угу, – скорчил рожу глумливый варвар. – А не надорвешься тащить? Братко, береги, сделай милость, – Викард протянул меч Эрею, маг согласно кивнул и, прежде чем Гонт успел воспротивиться, закинул клинок в Высшую Сферу.

– Веди! – демонстративно заложив руки за спину, великан ухмыльнулся молокососу. – Рыцарь и заступник всеблагой. Что б мы без тебя делали!

Не успели они одолеть и десятка обгоревших от яда ступеней, как двери ресторации распахнулись, едва не слетев с петель, и в залу вломился отряд гвардейцев во главе с лейтенантом Императорской сотни. Следом спешили Белые братья, на ходу творящие заклинания, за монахами жались неизбежные зеваки.

Лейтенант козырнул Дару Гонту и почтительно склонился перед Эреем, передавая свиток с личным оттиском Императора.

– Мне требуется пара солдат для конвоя! – не упустил своего настырный мальчишка.

– Сожалею, Гонт! – с явным злорадством покачал головой лейтенант. – Аресты пока отменяются.

Эрей ткнул в капитана свитком:

– Нам приказано явиться во дворец. – Он улыбнулся застывшему Гонту и медленно пояснил: – Мне, Белому брату Истерро и Викарду, урожденному инь-чианину. Троим. Без промедления.

Трактат о рудах

Есть руды – и есть *руды*.

Есть *Руды* – и есть Руда, называемая также Кольцом Некованым, ибо в Кольце родилась, и нет в Мире Силы, способной Его переплавить.

Те, что зовутся просто «руды», – мертвы и неразумны. И служат Седой Деве, становясь наконечниками, мечами, доспехами. Украшениями, пробуждающими зависть. Оправой для мертвых камней.

А *руды* – живы и таят в себе немалую Силу, ведущую во Тьму, помогающую повелевать всем Внешним. Ибо, хоть и созданы Светом, живут незамутненными только во Тьме, признавая власть Каменщика. У них нет Рядов, подобных *каменным*, ибо не ложится *руда* к *руде*, но смешивается, образуя новое. Делятся *руды* по Стихиям. И по Детям Стихий.

Те, что зовутся «*Руды*» – разумны, и счастлив тот, чей клинок сотворен из разумной *Руды*, велик его удел, безмерен жребий, ибо видит такая *Руда* – дальше и глубже, и подвластны такой *Руде* поток Огня и Колыхание Земли.

А есть Руда, Кольцо Первозданное, равное Камню. По Силе и славе, по мощи и Цене. Руда, принадлежащая Каменщику, – во славу нашего Мира!

Существует, правда, легенда, будто Руда – не Кольцо, а Оправа, готовая принять в себя Камень и тем обрести мощь Амулета.

Но горе этому Миру, если соединится Тьма со Светом, Оправа с Камнем.
Горе и гибель.

Муэдсинт Э'Фергорт О Ля Ласто.

«Суть Вещей». Глава о свойствах руд, *руд*,
Руд и Руды...

4

Темные твари

Император встретил их в тронной зале, грозный, могучий повелитель, опора государства. Пурпурная мантия стекала эффектными волнами по ступеням, ведущим к трону (насколько знал Эрей, мантию по приказу Рада давно приколотили к креслу, а специальный слуга ежедневно расправлял, вычищал и вновь выстраивал складки). В шуйце государь держал эллипс, символизирующий мир, десницей поддерживал меч, зажатый между ступней.

Викард и Истерро застыли в благоговении, потом дружно бухнулись на пол, отбивая колени. Эрей слегка склонил голову в приветствии: род Э'Вьерр имел право стоять пред ликом правителя. От мага не укрылось, что Рад осунулся и держится насторожено, точно перестал доверять собственной тени.

«Что-то случилось во дворце, – подумал маг. – Что-то страшное. Когда мы бились с глассархом».

Величественным, отработанным в ежедневных упражнениях жестом Император приказал монаху и варвару встать. Истерро поднялся с колен и остался стоять в полупоклоне, прижав руку к сердцу. Что до Викарда, простодушное дитя Инь-Чианя легко вскочил и тотчас принялся разглядывать залу, цокая языком и мотая во все стороны рыжей гривой. Какое-то время Император недовольно наблюдал за ним, потом смирился, как смирялись многие. Лишь попросил, ломая ритуалы, ничего не трогать руками. Викард клятвенно обещал.

– Что случилось в городе? – тихо спросил Радислав, устав изображать великого правителя мира. – Белые братья видят это по-разному и объясняют путано, точно бранятся.

Истерро обиженно вскинул голову:

– Государь! Имела место психотропная атака на локальный регион, характеризующая негативным влиянием на жизненно важные аспекты существования, такие как: здоровье, судьба, подсознание потенциальных жертв. Ряд отмеченных мною психоделических факторов позволяет предположить наличие...

– Спасибо, настоятель! – прервал его Император. – Я примерно так себе это и представлял.

– Какой-то урод, – взял слово Викард, – решил вставить Столице по самое дальше некуда и наслал полчища поганые...

– Это уже интересней, – оживился Рад, осчастливив подданных улыбкой. – Милый слог, чтоб мой лекар так изъяснялся!

– Слог юродивых сказителей! – от возмущения Истерро забылся и прервал речь монарха. – Не было там полчищ поганых. Урод, э... прошу прощения, неведомый мне неприятель...

– ...Козел кривоногий!

– ...атаковал город с помощью мощных негативных заклинаний, направленных на...

– ...Опускание рода человеческого...

– ...в пределах означенного региона. Полагаю, нет нужды перечислять подробно все компоненты шедшей на Столицу магической бури...

– ...Дури, жути, мути, кучи, тучи...

– ...скажу лишь, что последствия для города были бы ужасны, если позволите, катастрофичны...

– ...Но мы подсуетились, и вроде обошлось, – завершил рассказ оптимистичный Викард. – Братко с Бабником такой щит отгрохали!

Истерро преобольно пихнул великана локтем, метил в бок, попал в бедро; тот не ждал подвоха, ойкнул, развернулся, зацепил какую-то вазу, отшатнулся, задел канделябр... Эрей исхитрился поймать двухсотлетний вазон, найденный при раскопках легендарного Эста (Рад искал в Эсте ритуальные свитки власти, но и вазон оказался неплох), Истерро принял в объятия канделябр. Смущенный Викард затоптал упавшие свечи, размазав воск по бесценному юциньскому ковру.

Император сморщился и подавил желание швырнуть в негодая державой. Когда улеглась суета и застывший изваянием варвар дал зарок не дергаться и дышать через раз, он предпочел спросить про бой в ресторации.

– Это был глоссарх, государь, – снова склонился Истерро, невольно косясь на испачканный ковер. – Самка глоссарха. Появилась из образовавшейся под потолком туманности, будто кто-то, крайне недоброжелательный лично к нам, открыл направленный чаропорт и...

– Короче, мы почти взяли тварюку, государь, – не выдержал инь-чианин. – Но вмешался ваш молокосос, Дар хренов, и испортил всю охоту. Руки бы ему выдернуть да обратно в задницу вставить!

– Что там делал Дар Гонт? – вполголоса изумился Император, но тотчас поднял палец, приказывая инь-чианину молчать. Открывший рот Викард шумно выдохнул и явственно сглотнул готовые сорваться ругательства. Рад помолчал, наслаждаясь почтительной тишиной, потом резко хлопнул в ладоши.

Повинуясь приказу монарха, в залу вошли лакеи, волоча тяжеленный ящик из *свинца*, в котором Эрей хранил ядовитые эликсиры. Маг отметил, что дюжие парни проделали в кольца шесты, страшась прикоснуться к обшивке руками. Пожалуй, он уже знал, что находится в устойчивом к магии ларе, но все же подошел и откинул крышку. Та упала мягко, невесомо, как умеют двигаться лишь *руды*, и на мага уставились немигающие глаза мертвой зубастой твари. Глоссарх. Еще один. На этот раз во дворце.

– Он появился где-то в нижних этажах, – пояснил государь. – И принялся прорываться наверх, пользуясь дымоходами. Его пытались задержать, многие погибли от яда, но он никого не съел, он просто лез, не отвлекаясь на мелочи. Знаешь, маг, он искал Императрицу, он искал ее как одержимый!

– Кто убил его? – тихо спросил Эрей.

– Мой меч, – так же тихо ответил Император. Взглянул на мага и уточнил: – Твой меч, советник.

Теперь Эрей отчетливо увидел зарубку на чешуе, маленький аккуратный надрез. Глоссархи – твари шустрые, и Раду, вставшему на защиту жены, удалось зацепить лишь самый кончик хвоста.

– Он действительно убивает все живое. Прикосновением. Это страшное оружие, маг, меч не должен был появиться в мире.

Эрей не ответил. Слишком многому не стоило народиться в Кару, но оно ведь существовало, не смущаясь своей ненужностью. Опасен не меч, а направляющая клинок рука, Княже, так почему не сломать угрожающую руку? Чем виновата *руда*?

– Интересно, – заметил подошедший Истерро. – Видите этот гребень и костяные наросты вдоль лап? Это самец, а в ресторации...

– Кто? – перебил Эрей. – Самец?

– Да. Самец. Ведь глоссархи обитают парами, выбирая партнеров на долгие годы. Обычно самка охотится, а самец охраняет...

– Гнездо! – крикнул Эрей уже на бегу. – Гнездо глоссархов в подвалах!

Он кинулся вниз по лестницам, прыгая через ступеньки, одолевая пролет за пролетом, на ходу раздирая мешавшую мантию, обматывая вокруг шеи косу. Встречные шарахались в стороны, жались по стенам, ныряли в спасительную тень коридоров. Где-то сзади раздавалась

брань побратима: могучий Викард отстал, не вписавшись в узкие повороты, ломая перила и балюстрады, сшибая всех, кто увернулся от мага. Сходу вырвав короткий меч из рук подвернувшегося гвардейца, Эррей вышиб ногой дверь в кладовые.

И замер, прислушиваясь и оглядываясь.

Где-то здесь ему почудился знак, немного правее, дальше, почему он сам не проверил, доверился сопляку из Братства? Самка глассарха приносит до сорока яиц в кладке; сколько змеенышей вылупилось? сколько их на подходе? Княже!

В подвалах было темно и отдавало сыростью; мощные бочки с вином и маслом создавали искусственный лабиринт; светильники еле коптили, почти не освещая пространство. Пахло уксусом, смертью и опасностью. Кровью пахло, близкой, настолько, что кружило голову и алчно раздувало ноздри; он знал, что нельзя поддаваться инстинктам, нужно лишь слегка открыться. Чтобы двигаться быстрее, бить наверняка, насмерть... Прыгать...

Эррей прыгнул как раз в тот момент, когда юркое черное пятно мелькнуло возле ноги. Брызнула струйка яда, совсем слабая; ответом ей был удар посоха, почти небрежный. Тварь тихо пискнула и забилась в конвульсиях.

Змееныш. Свеженький, вон и скорлупка на морщинистом тельце. Маг мягко приземлился на ноги и подумал без особой надежды: вдруг успел?

Впрочем, он уже знал, что поздно. Перебрал в мешочке на поясе *камни*, годные для боевых заклятий, скупно отсчитал, кривя губы, растер между пальцев в мелкую пыль, загоняя ее под ногти. Ему бы хоть пару спокойных дней, чтобы пополнить запас амулетов, но увы, нет покоя, нет и не будет. Как и всегда.

За поворотом открылась безрадостная, страшная в простоте картина. С десятков вполне окрепших глассархов рвали на части тело виночерпия, устраивая свары из-за кусков, упивались кровью и росли, постоянно росли, слишком быстро, неестественно даже для темных тварей. Маг ударил. Сразу, всерьез. Посохом и мечом, понимая, что второго шанса не будет. Парой змеешерцов стало меньше, остальные злобно зашипели и бросились в атаку, сплевывая ядом, спрыгивая со стен и норовя укусить за ноги. Эррей завертелся, заметался, ответил магией, от белых молний в погребе запахло озоном, сами стены подземелья накалились и стали потрескивать, испуская разряды. Маг убил двоих, увернулся, отскочил за колонну и обнаружил гнездо. Разбитых скорлупок в нем было много, штук тридцать пять, проще было сосчитать оставшиеся яйца... Шесть или семь, последние в кладке. Направленная молния спалила гнездо; тотчас откуда-то сверху юркнула тварь, покрупнее, постарше, маг выжег пламенем ядовитый плевок, нацелился посохом, но глассарх, не допрыгнув, рухнул на каменный пол, сраженный сверкающим острым кругом. *Серебряный* сюрикен, любимое оружие мракоборцев. В голову следующего монстра полетел злополучный канделябр – чистой воды импровизация.

Эррей вернул побратиму двуручник, и великолепный Викард, поднаторевший в схватках с нечистью, завертел *посеребренным* клинком; боевой клич Инь-Чианя отдавался оглушительным эхом, заставлял содрогаться своды дворца, срывался с каждым новым сюрикеном:

– Будь славен, Эттивва!

Эррей снова прыгнул, доставая с разворота нового змеешерца, встал спина к спине с побратимом:

– Где Бабник?

– Ставит защиту! Круги чертит, пасы разводит.

– Хорошо!

И они закружились, хищно и радостно, как кружились уже не единожды, прикрывая друг друга, дополняя друг друга, атакуя привычно и четко. Текшая в жилах темная кровь их роднила, выверяла движения, позволяла угадывать, предвосхищать. Они были единым целым, их мысли, тела стали общими, а желание убивать – всеобъемлющим. И они убивали, снова и снова.

Тогда глассархи сменили тактику.

Прекратив беспорядочные, полные животной злобы атаки, темные твари построились тремя чешуйчатыми рядами, образуя довольно стройное каре, еще шестеро ненавязчиво, почти незаметно двинулись с флангов.

– Что за черт? – удивился инь-чианин. – Я тоже хочу такие игрушки!

Эрей промолчал, ловя в глазках глассархов привычную магическую темень. Вместо ответа он швырнул молнию. Пламя ударило не в каре, а в огромные бочки за ним, те посыпались на глассархов, поливая их маслом, вином, и твари сломали строй, забарахтались. Кравшиеся по стенам гадины прыгнули, но опоздали: сюрикены полетели раньше, да и побратимы не стояли на месте.

По подземелью кто-то бежал; злой Эрей обернулся, чтобы послать Истерро к чертям, но это был не монах. К ним на помощь спешил сам государь, с Мечом, туго втиснутым в ножны, за ним поспевал Дар Гонт во главе отряда гвардейцев. Викард сморщился, но Эрей был сейчас рад любой подмоге.

– Глассархам рубят лапы и хвосты! – крикнул он капитану, швыряя новую молнию в адскую смесь вина и масла. Та вспыхнула разом, до стрельчатых сводов, заставив воинов отшатнуться, опалив брови и волосы, в огненном плену заверещали глассархи, и в тот же миг Рад прыгнул вперед, выдирая из ножен Меч, и вонзил клинок в безумное пламя, в вино, в масло, во все, что оно омывало, убивая живое и неживое...

Викард и Гонт прикрыли Императора от атаки оставшихся глассархов, подоспевшие гвардейцы разрядили луки. И в подземелье пришла тишина. Остро запахло гарью и укусом.

Император встал, осторожно вложил девственно чистый Меч в ножны. Едва послышался тихий, но явственный щелчок перекрестья, все дружно закашлялись и задышали. Потом разом заговорили, загалдели, выплескивая в никчемных словах нервное напряжение последних секунд.

– Кто охраняет государыню? – крикнул не потерявший рассудок Эрей.

И ответом на этот вопрос пришел слабый голос Истерро:

«На помощь!»

Он слишком устал, чтобы снова скакать по ступеням, прорываясь наверх, да и времени не было. Эрей Темный решил рискнуть.

Сам обряд был, пожалуй, опасней битвы со строем глассархов, но маг старался об этом не думать, о своем распаленном нечистом теле, прокопченном, залитом потом и кровью, о том, что душа переполнена убийством и беззаконием. Он содрал с плеч остатки мантии, сжал покрепче боевой посох и, на долгом вдохе расслабившись, полностью ушел в Океан. Тело его, замерцав, растаяло в полумраке подвала, он еще слышал гул голосов, что-то кричал в пустоту Дар Гонт, но Эрей уходил все дальше, все быстрее всплывал к поверхности.

Полностью уйти в астральный Океан, забрав с собой земное тело, рисковали немногие из тех, кто черпал Силу в Высшей Сфере.

Путь по Океану не прощал ошибок.

«Я не должен здесь биться, – твердил Эрей. – Мне нужно лишь подняться на два этажных перекрытия, потом взять левее и выйти в дворцовом парке, рядом с фонтаном. Все».

Океан шумел, протестуя против нечистой души, протаскившей за собой окровавленное тело. Огромные волны норовили сбить с ног, медузы больно жалили икры, но Эрей терпел и покорно принимал удары и ожоги, твердя как заклинание: «Дойти, нужно дойти!» Потеря контроля или направления грозила гибелью телесной оболочке.

– Я должен успеть! – внятно сказал маг Океану. – Пожалуйста, пропусти.

– С чего ты решил, что успеешь? – спросил насмешливый голос; Эрей ждал собеседника, но невольно вздрогнул и сбился с шага. – Тебе уже некуда спешить, мальчик! Посмотри в глубину, убедись!

Стиснув зубы, маг прошел мимо нарисованных мрачных видений.

– Ты убил моих глиссархов, целый выводок. Нехорошо. Неправильно.

Эрей не отвечал.

– Тебе не спасти государыню и ее плод, – вздохнул некто, бредущий рядом по волнам. – Отступись, отдохни. Что тебе в них?

– А ты все за всех решил, – глухо сказал Эрей. – В том числе за меня. Как всегда. Но этой ночью Скрайт войдет в созвездие Невесты, а Ольерра встанет против Рыцаря, образуя чашу. Это сильные звезды – покровители Инь-Чианя: под ними тебе не достать Рандиру. И у твоей Силы есть дно.

– Нужно было сжечь астрологические свитки! Ой, что же ты вдруг застыл?

Маг стоял, не решаясь поставить ногу. Смех был ответом его нерешительности, издевательский смех, отраженный бесстрастными волнами. Эрею стало страшно всерьез, так, как не было уже давно, он не помнил, как далеко забрел, следующий шаг мог выкинуть его тело и душу из Высшей Сферы, и неизвестность пугала гораздо сильнее открытой угрозы.

«Эрей!»

Маг завертел головой, пытаясь уловить источник звука, тщась угадать направление. Рядом никого не было, волны бежали под его ногами, прижигая солью открытые раны, и почему-то не хотелось остаться среди этой блаженной тишины навсегда. Хотелось на землю, обратно, в гущу сражения, в ад и смрад, до зубовного скрежета, по-человечески.

«Сюда!» – снова позвал далекий Истерро, и маг ему улыбнулся. Глубоко вздохнул, собираясь с Силами, и сделал шаг. Один-единственный.

Волна накрыла его с головой, он забарахтался, вынырнул, отфыркиваясь и сплевывая воду. Он готов был оказаться где угодно: сорваться с башни цитадели, застрять между стенами замка, очнуться в кипящем котле поварни... Но чтобы выпасть из Океана в фонтан? Дурацкие шутки, Княже!

Раздался испуганный женский вскрик.

Дыхание сорвалось, глаза от воды ослепли и основательно заложило уши, душа разрывалась между Океаном и твердью, но тело приготовилось к бою, привычное тело воина, давно работавшее на рефлексках. Зловещий посох описал круг защиты прежде, чем маг мотнул головой, точно зверь отряхивая воду. Ритуальная коса послушно отлетела за спину.

– Слева! – закричал монах.

Маг вслепую ударил посохом, пустил навскидку *кремниевую* молнию, увернулся от возможного удара, прыгнул на голоса. Краткое шипенье и шелест приминаемой травы показали, что в этот раз он промахнулся. Перед глазами плыли какие-то круги и разводы, но где-то близко мелькнул силуэт крупного змееящера, Эрей послал вторую молнию, запахло жженым деревом.

– Она атакует! – подсказал Истерро, и Эрей рывкнул в ответ:

– Замолчите!

Зрение возвращалось фрагментами, неохотно, он уже различал предметы, фонтан, деревья, какие-то клумбы, этого было мало, трудно биться с глиссархом на ощупь, но туман вытекал из зрачков, стирая четкие контуры мира. Змееящер прыгнул и плюнул ядом; на этот раз маг задействовал посох, зацепил хвост стремительной твари и, разглядев врага, поразился: до чего крупный попался монстр! Чуть в стороне, под защитой торопливого Светлого круга, стояли Рандира – с цепью в руке – и Истерро, блее мела; валялись трупы гвардейцев, билась в судорогах лошадь...

Лошадь!

– Дэйв! – заорал Эрей так, что зазвенело в ушах. – Ко мне!

Глиссарх попытался нырнуть под сжимавшую посох руку, лязгнули челюсти, маг пырнул гадину *серебряным* ритуальным ножом, успев дважды провернуть в ране лезвие. Клыки глиссарха оцарапали кожу, и рана немедленно воспалилась, вспухла гноем; Эрей пошатнулся, почти падая обратно в фонтан, но тут сверху раздался волчий вой, шум крыльев, и рухнувший

камнем целькон ударил глассарха когтями. Тот отпрянул, яростно зашипев, конь ударил опять, и они закружились по парку, сводя давние счета своих популяций.

Теперь можно было расслабиться. Перевести дыхание. Целькон и глассарх, исконные недруги в естественной среде обитания, напрочь забыли о существовании двуногих; зрелище получилось редкостное, монах и Рандира следили за ним с нескрываемым любопытством.

Эрей откровенно любовался Рандирой, осторожно выбираясь из чаши фонтана. Должно быть, она настолько оправилась, что решилась на конную прогулку по парку, когда напал одержимый глассарх. Лошадь обезумела и понесла, тварь, подчиняясь приказу извне, первым делом убила охрану, а потом победил вековой инстинкт, и голодная самка занялась кобылой. Государыня успела спрыгнуть в тот миг, когда тварь ожгла ядом несчастную жертву. Шагнула навстречу глассарху и ударила гадину цепью.

Эрей испытал потрясение, увидев, какую цепь сжимает Рандира. *Серебро* издревле было *рудой* темной магии, и то, что Императрица носила на бедрах *серебряный* пояс, отдавая плод под защиту Тьмы, говорило ему о многом.

Удар получился слабым, но пресветлая *руда* отпугнула и оставила мощный рубец на чешуе тварюги. Дальше, как понял маг, в парк прибежал Истерро и взял государыню под защиту.

Краем глаза Эрей отметил, как с боковой дорожки прыгает Гонт, потрясая укороченным луком, на бегу прилаживает стрелу... Впрочем, выстрелить капитан не успел: целькон прекрасно знал свое дело и трофей уступать не собирался. Плевок пламенем, точный удар когтями, укус в незащищенное брюхо... Глассарх дернул лапами, раз, другой, пытаясь зацепить убийцу, потом глаза твари закатились, подернулись дымчатой пленкой, по телу прошла последняя судорога.

– Дэйв! – повелительно позвал Эрей.

Целькон неохотно отпустил жертву, мстительно пнул напоследок и послушно побрел к хозяину, плотоядно облизывая окровавленную морду. Гонт осторожно, медленно приблизился к туше глассарха, натянул тетиву и всадил стрелу прямоком в стекленеющий глаз. Эрей одобритительно хмыкнул, не забыв потрепать по холке целькона.

Рана в боку горела, яд норовил разбежаться по жилам, убивая телесную оболочку. Пришлось вскрыть бесценную флягу и сделать намек на глоток, так, капнуть три капли в горло. Тело благодарно впитало желанную порцию Силы и приготовилось биться с недугом.

– Вы ранены, друг мой?

Голос Рандиры заставил Эрея вздрогнуть.

Он сидел на самом краю фонтана, – полуголый, полумертвый, страшный, в кровавых подтеках и синяках, – и прекрасно понимал, как дико смотрится рядом с ним чудная девушка в атласном платье и ожерелье из крупных *гранатов*. Маг сделал попытку встать:

– Государыня! – но Рандира остановила его, коснувшись обнаженной груди, чуть выше раны, чуть ниже клейма, там, где полагалось быть сердцу, прислушалась к его ровному стуку, мерному, как барабаны на марше, удивленно вскинула светлую бровь:

– Единый Бог, должно быть, вправду творил магов из *камней* и *руд*. Вы даже не взволнованы, советник!

– Нет причин волноваться, госпожа, – склонил голову Эрей Темный.

Она чуть поджала губы, потом улыбнулась, скрывая досаду:

– Яд этой жути на вас не действует?

– Действует, но иначе. Позвольте? – он осторожно убрал ее руку и мельком осмотрел рану. Царапина раздувалась и сочилась белесым гноем. – Похоже, без Братьев не обойтись, – недовольно ругнулся маг.

– Я пошлю за Ерэмом! – вскричала Рандира, ища поддержки у Гонта.

– Не стоит! – остановил их Эрей. – С раной справится брат Истерро. – Он кинул взгляд на монаха, застывшего в приступе нескрываемой зависти, усмехнулся и подмигнул: – Государыня, он так геройски сражался, что тоже заработал пару отметин!

Рандира опять улыбнулась и повернулась к монаху со словами искренней благодарности; тот тотчас сделался пунцовым, потом побелел как галит, позеленел и в заключение сменил окрас на фиолетовый. Эрей порадовался безграничным возможностям светлой породы к цветовой мимикрии.

Дар Гонт подошел, косясь на целькона. Капитан явно страшился атаки, но конь мирно пил из фонтана и не обращал на него внимания.

– Как вы? – спросил капитан, стараясь говорить дружелюбно. Кратко взглянув на разодранный бок, он замотал жгутом свой плащ и перетянул рану так, что у Эрея затрещали ребра. – Я бы позвал Ерэма, – скупосоветовал он. – Истерро не сведущ в телесных хворях.

Маг покорно стерпел заботу.

– Почему вы выстрелили в самку? – кивнул он на труп глиссарха. – Почему именно в глаз?

Капитан пожал плечами и оглянулся на дохлую тварь:

– Сам не знаю. Мне подумалось, так будет правильно. Я снова ошибся?

– Значит, интуиция, – буркнул Эрей. – Вы поступили правильно, так и убивают аватары, просто мне показалось...

Договорить он не успел: на парковой дорожке показался Викард, готовый метать и рубить; сапог великана был порван, за развороченную пряжку цеплялось выдернутое с корнем деревцо. Рев обиды на злую судьбину вырвался из могучих легких, едва инь-чианин понял, что опоздал и драка закончилась. Мимо Викарда пронесся гнедой жеребец; Император спрыгнул с седла и кинулся к любимой супруге; Рандира прижалась к нему, ткнулась в плечо и разревелась, дав выход недавнему ужасу. Рад гладил ее золотистые косы, что-то шептал на ухо и все смотрел на советника, сидящего возле фонтана.

Эрей не выдержал первым, он опустил глаза, ссутулился и навалился всем весом на посох. Истерро оказался рядом, поддержал, с другой стороны пристроился Викард. Опираясь о плечо побратима, маг подумал, что слишком устал за последние дни. Так, что впору возвращаться в Аргоссу.

Чуть позже вечером, когда Эрею сделали необходимые перевязки, с почестями сожгли трупы павших за Корону, а Дэйву, показавшему себя героем, обустроили под жилище каменный грот в глубине парка, Император созвал совет.

В малый кабинет пригласили избранных, представлявших собой весьма пестрое общество. Руководил высоким собранием Император, гильдию темных магов Аргоссы представлял советник Эрей. Истерро, бывший Глас Рудознатца, отвечал за Белое братство, могучий Викард – за далекий Инь-Чиань. Был приглашен также и Дар Гонт, как капитан лейб-стражи, нуждавшийся в четких указаниях касательно охраны дворца. Ну и как коренной уроженец Ю-Чиня, что уравнивало Стороны. Самовольным образом в совете принимала участие Императрица, наотрез отказавшаяся отдыхать под магической охраной Братства. Рандира прямо заявила мужу, что имеет полное право знать, какие еще напасти угрожают ей и наследнику, и Император смирился. Вместе с Викардом Рандира составила некую коалицию: инь-чианин готов был поддержать государыню, правда, с негласного одобрения Эрея.

Впрочем, все их расчеты не имели никакого практического смысла: когда за дело брался Радислав, в финале побеждало его решение.

– Вот! – взял на себя смелость открыть собрание Викард, выставя на всеобщее обозрение *хрустальный* ларец из коллекции Эрея. В ларце, украшенном накладками из *серебра*, бесновалась черная зубастая тварюшка, плюя на стенки ядом и шипя на пламя камина.

Рандира невольно вскрикнула, отступая на шаг к Императору, остальные с интересом уставились на великана, требуя объяснений.

– Ну... – замылся Викард, смутившись от избытка внимания. – Ну, я... Нашел я его, возьми меня Эттивва! Еще яйцом. Должно быть, первая самка, ну та, что в кабаке, оттащила яйцо подальше от кладки, глассархи часто так поступают, разделяя свое потомство. Жрут они сами себя, эти сволочи, что постарше, начинают грызть младших да и друг друга стороной не обходят. Как они называются, слово такое ученое...

– Каннибалы, – подсказал Истерро. – Поэтому самки глассархов и приносят большое потомство, откладывая яйца в шесть этапов. Из сорока детенышей выживают от силы пятеро.

– Все про разную гадость знает, – умилился довольный Викард. – Какой бы из тебя мракоборец вышел! Молчу, – вскинул он руку в притворном испуге. – Уже молчу, знаю, что варвар проклятый. Лучше спасибо скажи: я тварюшку для тебя приберегу, радуйся, изучай. Может, приручишь всем на удивление!

Истерро округлил глаза, полыхнувшие при свете факелов двумя *изумрудами*, дрожащей ладонью провел по крышке ларца. Глассарх моментально попытался куснуть его палец, но чуть не сломал ядовитый клык о *хрусталь*.

– Осторожнее, дурачок, – проворковал Истерро. – Какой лапочка, спасибо, дружище!

– Да ладно, – отмахнулся Викард, – забавляйся, раз тебе нравится!

– Я так понимаю, – прервала их милую беседу государыня, – вы собираетесь оставить эту мерзость в живых?

– Но зачем же его убивать? – изумился поглощенный зверюгой Истерро. – Теперь он совсем не опасен. Я закажу вольер из *хрусталя*, этот *камень* стабильно сдерживает агрессивную магию и не подвластен действию яда глассарха. Понимаете, их осталось так мало в нашем мире...

– Понимаем, – протянул Дар Гонт. – Мы все прекрасно понимаем. Оттого и задаем вопросы. Не следует ли как можно скорее уничтожить тварей, представляющих угрозу человеческой жизни? Я имею в виду: всех тварей.

– Как? – поднял голову Истерро. – Какого черта вы тут рассуждаете, капитан? Кто вы, Господь Бог, чтобы вершить судьбу целого племени?

Дар Гонт усмехнулся и повернулся к Викарду:

– Вы хоть и варвар, но человек. Вы честно заслужили свою славу мракоборца. Что заставило вас отступить от прибыльного ремесла?

Викард пожал плечами и задумался. Настолько, что пропустил мимо ушей презрительный тон, сосредоточившись на смысле.

– Да вот, – медленно проговорил он, – Бабник сказал, это плохо, что мало особей и надо сохранить, а Бабник – Глас.

– Бывший Глас! – поправил беспощадный Гонт. – Уж не за эти ли греховные мысли Братство лишило его сана?

Истерро побелел, глаза его опасно вспыхнули, рождая зеленые сполохи. Монах заслонил собою ларец, поднял руку, но маг опередил его:

– Довольно!

Эрей шагнул к Гонту и спокойно посмотрел в лицо капитану. Тяжелый взгляд беспросветных глаз и в мирном настроении действовал на нервы; капитан продержался недолго, отвернулся, ища поддержки у Императора.

– Я – темный, – тихо сказал Эрей. В кабинете стало морозно и неудобно, опасно, до озноба, до паники, точно сама Седая Дева стала бок о бок с магом. – Я представляю угрозу для человеческой жизни. Начните с меня, капитан. Уничтожьте, если посмеете.

Дар Гонт не был трусом: он побледнел как исподнее, но потянул меч из ножен; при шелесте вынимаемого клинка, при виде его холодного блеска все опомнились и заговорили.

– Нет! – крикнула государыня, вновь обретая смелость и становясь между спорщиками. – Нет, я не позволю!

– Да ладно! – хмыкнул Викард. – Пускай. Одним дураком станет меньше.

– Я запрещаю принимать этот вызов, Дар Гонт! – приказал Император. – А вам, советник, должно быть стыдно.

– Мне? – удивился маг и кратко дернул плечом.

Один Истерро остался стоять у стола, упрямо поджимая губы и заслоняя собою тварь, задремавшую в наступивших сумерках.

– Тьма не есть Зло! – горько бросил он Гонту. – Также как Свет не есть Добро. Вам трудно смириться с этим, но поверьте, юноша, это истина. Наш мир погибнет без Тени. Капитан, не горячитесь, вы подумайте пять минут. Эрей темен и Сила его велика, но за последние несколько дней он все время жертвует Силой, заслоняя собой этот город. Во зло? Или все же во благо? Целькон – исчадие ада, крылатый монстр-людоед, но сегодня он спас государыню. Казнить за это весь его род?

– Глиссархи... – открыл было рот капитан, но монах властным жестом прервал его. По зале засверкали *изумрудные*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.